

Р. Дж. Баркер

Востряжбе Корабли

Возможно ли проклятым
остановить войну?

Может ли бесчестный
умереть с честью?

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Р. Дж. Баркер

Костяные корабли

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Баркер Р.

Костяные корабли / Р. Баркер — «Эксмо», 2019 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-113652-9

На протяжении поколений мореходы Ста островов строили свои корабли из костей морских драконов, чтобы вести бесконечную войну. Драконы исчезли, но битвы за превосходство продолжались. Противники стараются захватить две главные ценности: драконью кость для строительства новых кораблей и детей, чьи души после жертвоприношения придают кораблям силы. И вот первый за века дракон был замечен в далеких водах, и обе стороны видят возможность изменить соотношение сил в свою пользу, ведь тот, кто его добудет, выиграет не только славу, но и войну. Дочь верховной правительницы сослана на корабль мертвых. Под ее началом – команда приговоренных к смерти преступников. Возможно ли проклятым остановить войну? Может ли бесчестный умереть с честью?

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113652-9

© Баркер Р., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1. Изгой	7
2. Дитя Безжалостного моря	12
3. В тени Черного корабля	16
4. Найти свое место	21
5. Те, что стоят на палубе	25
6. Вперед, только вперед	29
7. Кости старых богов	35
8. Сбор в День Мужчин	40
9. Поломки «Дитя приливов»	45
10. Возвращение	54
11. Дорога домой	59
12. Все, кто служит, слышат зов	64
13. Здесь водятся драконы	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Р. Баркер

Костяные корабли

R. J. Barker
The Bone Ships

© 2019 by RJ Barker

© Slice Lemon/ Shutterstock.com

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

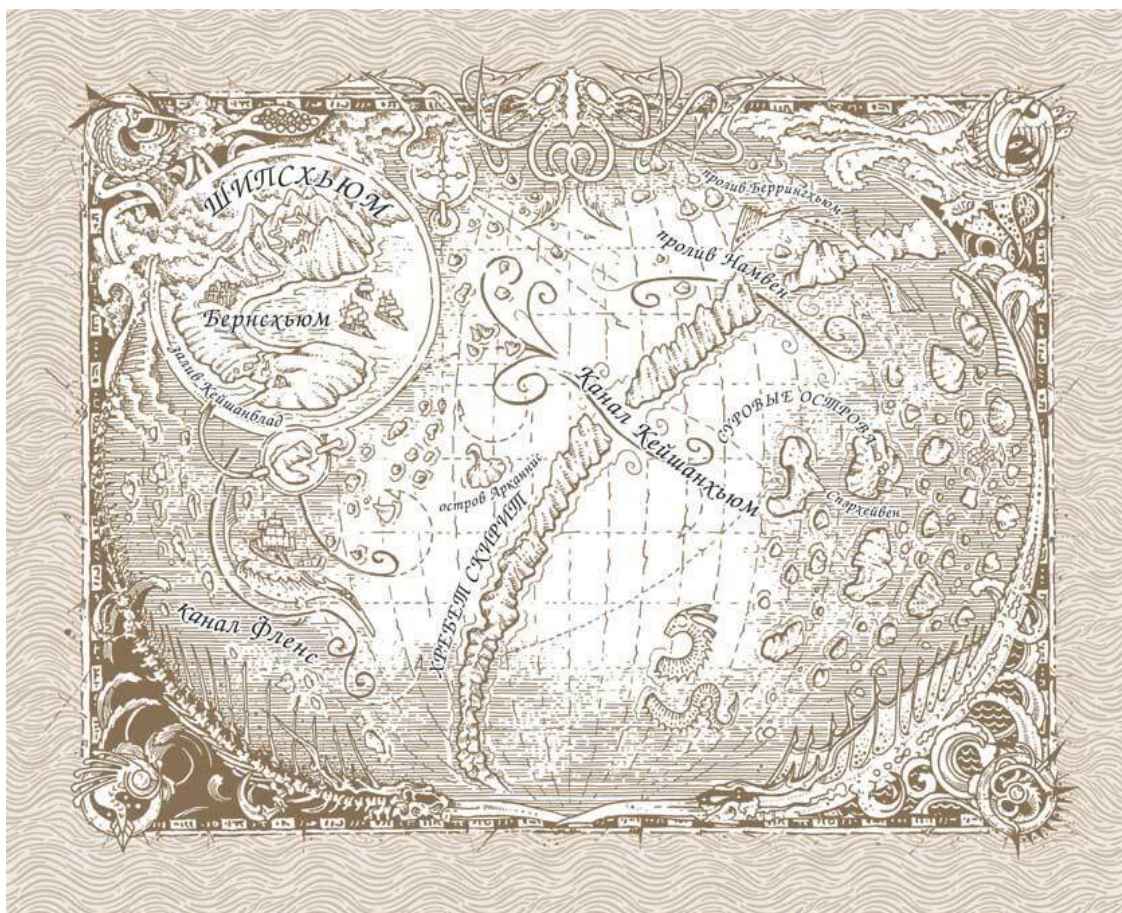
* * *

*Двести лодок из листьев и лозы.
Пять тысяч на борту.
Копье в руке, и Кассия мчит
Первой в орде.*

*Корабли разбросаны по морю.
Они ищут подводного зверя.
За Деву, за Мать и обьятия Старухи,
Куда ныне отправятся многие.*

*Но какой пир,
Какие богатства,
Как манит слава.
Пятьсот кораблей,
Десять тысяч команды
Охотится на аракисиана.*

Традиционное

1. Изгой

– Отдай мне свою шляпу.

Совсем не те слова, с которых следует начинать легенду, но именно они стали первыми, которые она произнесла при встрече с ним.

Конечно, она обращалась к нему.

Было еще рано. Запах рыбы наполнял его ноздри и пробирался внутрь, вызывая жуткую тошноту. Голова болела, руки дрожали той дрожью, что уймется только после первой чаши корабельного вина. И, когда густая жидкость скользнет внутрь, согревая горло и желудок, боль начнет постепенно отступать. За первой чашей последует вторая, и с ней появится онемение, которое сообщит, что он уже ступил на путь, ведущий к затуханию разума, так же верно, как было мертво тело – или дожидалось мгновения, когда его заберет смерть. Потом будет третья чаша, за ней четвертая и пятая, день подойдет к концу, и он провалится в темноту.

Но черный корабль в тихой гавани будет по-прежнему привязан к пирсу – кости потрескивают под натиском течения, команда стонет и жалуется, накачиваясь выпивкой на палубе, а он в беспамятстве прячется в старой хижине на постоялом дворе. Таков уж он есть: супруг корабля лишь по названию. Командир на словах. Неудачник.

Снаружи доносились голоса, даже здесь, в давно заброшенных дворах, где раньше обдирали шкуры, а теперь бродили призраки, не было спасения от людей, и память о гнили кейшана, болезни костяных дворов, не мешала многим выбирать более короткий путь через них.

– Говорят, когда «Расколотый камень» вошел в этот морран, они увидели архиекса над Слейтхолмом. Слышал, что их говорящий-с-ветром сошел с ума и едва всех не утопил. Пришлось его убить, чтобы он прекратил призывать ветер, который выбросил бы корабль на безопасный берег.

– За всю жизнь я ни разу не слышал, чтобы кто-то видел архиекса. От него не приходится ждать ничего хорошего – напишите это на скале для Морской Старухи.

Голоса стихли, их заглушило шипение волн на пляже, поглотило море, в котором исчезнет все, а он думал над словами, которые услышал: «Не приходится ждать ничего хорошего». С тем же успехом можно сказать, что Глаз Скирит поднимется на морране, ведь это Сто островов – когда здесь происходило что-то хорошее?

В следующем голосе, который он услышал, прозвучал вызов. Его глаза оставались закрытыми, он пытался бороться с тошнотой, поднимавшейся горячими едкими волнами из желудка.

– Отдай мне свою шляпу.

Голос наполняло море, хриплый командный крик птицы. Из тех, приказы которых сразу бежишь выполнять, взбираешься на мачту, чтобы помочь кораблю расправить крылья. Возможно, просто возможно, когда-нибудь, или после чаши корабельного вина, он сделает то, что она просит, и отдаст ей двухвостую шляпу супруга корабля вместе с яркой окраской волос, делавшую его капитаном – пусть он того и не заслужил.

Но в ту беспокойную ночь его сон тревожили мысли об отце и другой жизни, не лучшей и не более легкой, но трезвой и лишенной стыда. О жизни, в которой он не чувствовал силу скользких рук Морской Старухи, пытавшейся с ним покончить. Об одном из долгих дней на крыле флюк-лодки, когда он пел и натягивал веревки, а отец сиял от гордости, глядя на то, как превосходно его мальчик-рыбак работает с ветрами. О времени до того, как могучее тело его отца было легко сломано, точно тонкая лоза вариска, и перемолото между бортом лодки и безжалостным корпусом костяного корабля. Рука поднялась вверх из черной воды, бородатое лицо, открытый рот, словно отец хотел позвать своего мальчика в последние, мучительные мгновения своего существования. Такая сила, но это уже не имело значения.

Быть может, сегодня для разнообразия он проснулся с мыслью, как замечательно иметь немного гордости. И если настанет день, когда ему придется отдать двухвостую шляпу супруга корабля, то не сегодня.

– Нет, – сказал он. Ему пришлось вырвать это слово из своего разума, он чувствовал себя так, словно провел лезвием курнова по внутренней части собственного черепа, и оно сползло с его губ, вялое, точно среднее течение. – Я супруг корабля «Дитя приливов», и она символ моей власти. – Он прикоснулся к полям черной двухвостой шляпы. – Я супруг корабля, и тебе придется забрать ее у меня.

Он странно себя чувствовал, когда произносил дерзкие слова, которые слышал от отца, рассказывавшего ему о своей службе, но которых не знал по собственному опыту. Однако они ему нравились, сильные, с историей, а когда слетели с губ, показались правильными. Он подумал, что, если ему суждено умереть, это будут совсем неплохие последние слова, и пусть его отец услышит их из того места, глубоко в море, где его окутывает тепло вечного костяного огня Старухи.

Он прищурился, глядя на застывшую, смутную фигуру. Мысли сражались в его страдавшей от боли голове, он пытался понять, кто за ним пришел. С тех пор как ему удалось стать супругом корабля, он знал, что вызов неизбежен. Он вел за собой разгневанных женщин и мужчин, жестоких женщин и мужчин, – и понимал, что рано или поздно кто-то из команды захочет отобрать у него шляпу и капитанские цвета. Быть может, в дверном проеме лачуги стоит Барли, жестокая и неистовая? Но нет, его гость был невысоким, да и волосы казались слишком длинными, а не коротко подстриженными и едва прикрывавшими череп. Значит, Канвей? Мужчина, завидующий всему и всем и легко хватающийся за нож. Впрочем, нет, силуэт явно женский. Ни одной прямой линии под тугой рыбьей кожей и перьями. Значит, Квелл? Она способна сделать решительный ход, к тому же умеет плавать и смогла бы покинуть корабль.

Он сел, чувствуя все еще непривычное давление курнова на бедре.

– Тогда будем драться, – сказала его гостя, поворачиваясь и выходя на солнце.

У нее были длинные волосы, седые, с цветными прядями командира: ярко-красными и синими. Солнце отражалось от рыбьей чешуи ее одежды, обтягивавшей мускулистое тело, скрепленной ремнями, с которых свисали ножи, маленькие арбалеты и множество блестящих позвякивавших амулетов, приносящих удачу и говоривших о долгой службе, полной кровопролитных схваток. Изысканный плащ с перьями окутывал плечи, подчеркивая яркие блики солнца на чешуе, отчего мерцающее сияние всех цветов радуги окружало ее блистающим ореолом.

«Я умру», – подумал он.

Она неспешно зашагала прочь от покосившейся лачуги, где он спал, от небольшого вонючего причала, и он последовал за ней. Вокруг никого не было. Он выбрал это место из-за его сравнительной уединенности, удивившись тому, с какой легкостью его нашел; даже на оживленном острове Шипсхьюм люди старались держаться вместе, находить друг друга и, естественно, избегали подобных уголков, где рыскали призраки Старухи и дремала гниль кейшана.

Они шли по усыпанному галькой пляжу; она шагала широко, выбирая подходящее место для схватки, он следовал за ней, точно потерявшийся кавальер – одна из неспособных летать птиц, которых разводили на мясо, – в поисках стаи. Конечно, не существовало стаи для такого мужчины, как он, лишь гарантия близкой смерти.

Она остановилась к нему спиной, словно он не заслуживал внимания, и принялась проверять гальку под ногами, разгребая ее носками высоких сапог, будто искала под камешками существо, которое могло выскочить и укусить ее. Он вспомнил, как в детстве проверял песок в поисках червей-джал перед началом одиноких игр с вымышленными друзьями. Неизменный чужак. Ему следовало предвидеть, к чему это приведет.

Когда она повернулась, он ее узнал. Но не благодаря тому, что встречал в обществе или во время военных действий, он в них не участвовал. Но он видел ее лицо – заостренный нос, резко очерченные скулы, обветренная кожа, черные узоры вокруг глаз и искрящееся золото и зелень на щеках, говорившие о высоком положении. Он ее видел, когда она прохаживалась перед пленниками. И детьми, захваченными во время рейдов на Суровые острова, детьми, которых готовили к жаждущим крови клинкам жрецов Тиртендарн, теми, кого собирались отправить к Старухе или заставить оседлать кости корабля в качестве зоресветов – превратив их в веселые цвета, говорившие о здоровье корабля.

Он видел, как она стояла на носу собственного корабля «Ужас аракисиана», названного в честь морских драконов, которые обеспечивали костями корабли и которых когда-то расчленили на теплом пляже. В честь давно исчезнувших морских драконов. В честь морских драконов, ставших мифом, тело неизбежно опустится на морское дно. Но какой это был корабль!

Он и его видел.

Последний из великих пятиреберников, «Ужас аракисиана». Над ним танцевало восемнадцать ярких зоресветов, огромный длинноклювый череп аракисиана размером с двухреберный корабль украшал нос, пустые глазницы смотрели вперед, клюв оковали металлом и превратили в таран. Двадцать громадных дугowych луков было установлено по обе стороны верхней палубы и множество обычных на нижней. Команда более чем из четырехсот человек отполировала каждую кость корпуса, и он ослепительно сиял, белый на фоне синего моря.

Он видел, как она тренировала свою команду, и видел, как дралась. У причала, из-за вопроса чести, когда кто-то упомянул обстоятельства ее рождения. Схватка получилась долгой, и, когда ее противник попросил о милосердии, она его не проявила, и он подумал, что в ней его попросту нет, ведь она представляла Сто островов и флот до самой его сердцевины. Жестокая и твердая.

Тот свет, что еще оставался на небе, потемнел, точно Скирит, богоптица, прикрыл глаз на его судьбу, и яростный жар воздуха бежал, как и малая толика надежды, что еще жила в его груди, – единственный трепещущий шанс, что он уцелеет. Ему предстояло вступить в схватку с Миас Джилбрин, Удачливой Миас, имевшей множество наград, самой отважной и свирепой супругой корабля, какую когда-либо видели Сто островов.

Он знал, что умрет.

Но почему Удачливая Миас захотела его шляпу? Он готовился к смерти, а его разум продолжал искать ответ на этот вопрос. Она могла получить под свою команду все что угодно. Единственной причиной могло быть только...

Немыслимо.

Невозможно.

Миас Джилбрин приговорили к черному кораблю? Приговорили к смерти? Скорее он увидит, как остров встанет на ноги и зашагает прочь, чем случится *такое*.

Ее послали его убить?

Может быть. Кое для кого сам факт того, что он еще жив, являлся прямым оскорблением. Может быть, им наскучило ждать?

– Как тебя зовут? – прокаркала она, словно мечтала полакомиться мертвечиной.

Он попытался ответить, но обнаружил, что в горле у него пересохло, и не только из-за того, что в последний раз он пил лишь накануне вечером. Страх. И, хотя он был его постоянным спутником в течение шести месяцев, это не сделало его более терпимым.

Он сглотнул и облизнул губы.

– Меня зовут Джорон. Джорон Твайнер.

– Никогда не слышала, – пренебрежительно сказала она, не продемонстрировав ни малейшего интереса. – Никогда не видела его написанным в свитках чести и в рапортах о военных действиях.

– Я не служил до того, как меня отправили на черный корабль, – сказал он, а она вытащила свой прямой меч. – Когда-то я был рыбаком.

Увидел ли он вспышку в ее глазах, и если так, то что она могла означать? Раздражение, скуку?

– И? – спросила она, сделав пробный взмах тяжелым клинком, демонстрируя презрение и практически не глядя в его сторону. – Как получилось, что рыбака приговорили к кораблю мертвых? Не говоря уже о том, чтобы сделать супругом корабля? – Она еще раз рассекла клинком ни в чем не повинный воздух.

– Я убил человека, – ответил он.

Она посмотрела на него.

– В схватке, – добавил он, и ему пришлось сглотнуть, чтобы протолкнуть твердый холодный каменный шарик страха в глотку.

– Значит, ты можешь драться.

Она подняла клинок, приготовившись начать поединок, свет отразился от лезвия по всей его длине, и он заметил на нем гравировку – великолепное оружие, не то что дешевый курнов из шлакового железа, которым владел он.

– Мой противник был пьян, а мне повезло, – сказал он.

– Ну, Джорон Твайнер, со мной так не получится, несмотря на мое имя, – сказала она, и ее серые глаза оставались холодными. – Давай покончим с этим?

Он обнажил свой курнов и сразу атаковал. Никаких предупреждений и тонкостей. Он не был глупцом или слабаком и понимал, что у него есть лишь один шанс победить Удачливую Миас – застать врасплох. Его клинок метнулся вперед, к ее животу. Простой, лаконичный удар, который он множество раз практиковал в жизни, – каждая женщина и каждый мужчина Сотни островов мечтает попасть на флот и с оружием в руках защищать детей островов. Он сделал безупречный выпад, и ему не помешало тело, страдавшее от истощения и жажды.

Она отбила его клинок едва заметным движением кисти, и утяжеленный конец кривого курнова увел его оружие в сторону от ее живота. Он пошатнулся и потерял равновесие, ее свободная рука описала дугу, он уловил блеск каменного кольца на костяшках ее пальцев и понял, что это кастет, за мгновение до того, как тот ударил его в висок.

Он лежал на земле и смотрел на раскинувшееся над ним огромное ярко-синее небо, пытаясь понять, куда исчезли облака. Он ждал удара, который с ним покончит.

Острие ее меча появилось в поле его зрения.

Коснулось лба.

Прочертило болезненную линию до самых волос, сбросило шляпу с головы, потом Миас подбросила ее в воздух, поймала и надела. Она не улыбнулась, никак не выказала победного торжества и только смотрела на него, пока кровь текла по его лицу и он ждал конца.

– Никогда не делай выпадов, когда у тебя в руках курнов, Джорон Твайнер, – спокойно сказала она. – Неужели тебя ничему не научили? С его помощью нужно наносить рубящие удары. Ни на что другое он не пригоден.

– Какие жалкие последние слова для меня, – сказал он. – Умереть, слушая чужие советы.

Неужели по ее лицу промелькнуло странное выражение, глубоко похороненное воспоминание о том, как смеются? Или она просто его пожалела?

– Почему тебя сделали супругом корабля? – спросила она. – Не вызывает сомнений, что ты получил это звание не в поединке.

– Я... – начал он.

– Существует два вида кораблей мертвых. – Она наклонилась вперед, и кончик ее меча затанцевал перед его лицом. – В первом всем заправляет команда со слабым супругом корабля, который позволяет им упиваться до смерти у стоп-камня. И второй вид – с сильным супругом корабля, он расправляет крылья, когда приходит беда, и дает своим женщинам и мужчинам

шанс достойно принять смерть. – Он не мог отвести глаз от кончика меча, и Удачливая Миас оставалась туманным пятном. – Мне представляется, что «Дитя приливов» относится к первой категории, но ты приведешь меня к нему, и он узнает, каково это – оказаться во второй.

Джорон открыл рот, чтобы сказать, что она ошибается относительно него самого и корабля, но промолчал, ведь она сказала правду.

– Поднимайся, Джорон Твайнер, – приказала она. – Ты не умрешь сегодня на этой горячей и не раз залитой кровью гальке. Ты будешь жить, чтобы служить Ста островам вместе с остальными членами команды. А теперь пойдем, нас ждет работа.

Она повернулась и вложила меч в ножны, уверенная, что он поступит, как она сказала, – так Глаз Скирит встает по утрам, а вечером отправляется на покой.

Под ним зашуршала галька, когда он вставал, и что-то внутри у него изменилось, появился гнев, обращенный на женщину, которая отобрала командование кораблем, назвала слабым и обращалась с ним с таким невероятным презрением. Она ничем не отличалась от тех, кому повезло родиться с полноценным телом и сильным духом. Уверенных в своем месте в жизни, получивших благословение Морской Старухи, Девы и Матери, готовых растоптать всех остальных, чтобы получить то, чего они хотят. Состоявшую из преступников команду «Дитя приливов» он хотя бы понимал. Они были грубыми, свирепыми, и жили так, что у них не оставалось выбора – каждый должен сам присматривать за собой. Но Удачливая Миас и такие, как она? Они топтали других с восторгом.

Она забрала у него шляпу, символ командования, и, хотя он никогда прежде о ней не мечтал, Джорон понял, что теперь она стала много для него значить, и, когда он ее лишился, в нем пробудилось нечто новое.

Он собирался получить свою шляпу обратно.

Течение несло их мили,
Оставив корабль и команду без воды.
Не приноси в жертву крошку,
Вскричало море.
Но Жрицы-Старухи не слушали,
«Крошка должна умереть», – сказали они.

Аноним. «Песня об Удачливой Миас».

2. Дитя Безжалостного моря

С холма над заливом Кейшанблад Джорон уже видел свой корабль – *ее* корабль – «Дитя приливов», который удерживал на месте стоп-камень; как и положено кораблю мертвых, его кости были выкрашены в черный цвет, и над ним не танцевали зоресветы. Крылья, так же черные, небрежно свернутые наверху крылокостей, торчавших из серого сланца палубы, трепал ветер. Каждый дюйм палубы должен был быть черным, но команда и супруг корабля – *он* – не слишком старательно за этим следили, и возникало впечатление, что легкий дождь из пепла омыл корабль, оставив на нем белые пятна – там, где просвечивала кость.

Нос корабля, сделанный из гладких тазовых костей маленького аракисиана, давно вымершего морского дракона, был наклонен так, чтобы разрезать воду. У ватерлинии из тазовых костей выступал клюв кейшана, а от него отходили ребра, четыре длинные кости, идущие по всей длине – корабля и помогающие ему скользить по воде. Над ними располагались зазубренные кости, которые образовывали борта, буйство необычных углов и заостренных частей должно было остановить тех, кто шел на абордаж, а режущие кромки и зубцы мешали забраться на палубу.

Цвет «Дитя приливов» показывал, что это корабль последнего шанса, и его команда приговорена к смерти. Каждый из них имел лишь одну возможность вернуться к нормальной жизни: совершить героическое деяние, которое под громкие крики одобрения зачеркнет их преступление и позволит покинуть черный корабль. Такая надежда делала отчаянными детей палубы, а отчаянные дети палубы становились очень опасными. Однако за всю жизнь Джорона, да и за жизнь его отца, никто из приговоренных не получил прощения.

Корабль должен был внушать ужас, когда рассекал морские пространства Разбросанного архипелага, но вместо того, чтобы с ревом мчаться по серым морям, «Дитя приливов» оставался у стоп-камня, и его лениво оплетали водоросли, поднимавшиеся вверх от костей днища, а вода вокруг стала грязной от человеческих отходов: нечистоты, гниющая пища и множество другого мусора, который неизбежно производит корабль. На выступах крылокостей сидели скииры, поджарые белые птицы, издавек казавшиеся белыми пятнами, но он знал про их красные, неизменно голодные глаза и острые как бритва клювы.

– Верный признак расхлябанного корабля, – прошептала стоявшая рядом Миас.

– Что?

– Скииры. Если дитя палубы заснет, они выключают ему глаз или вырвут язык – я видела такое множество раз. Тут требуется кто-то с пращей. Понимаешь, не нужно видеть птиц, чтобы понять, что корабль не любят, как должно; это чувствуется по запаху.

Он понюхал воздух. Даже здесь, на холме, он уловил запах своего корабля, как на рыбацком причале, когда на небе сияет Глаз Скирит, и нигде не найти ни тени, ни спасения от лившегося сверху жара.

– «Дитя приливов», – сказал Джорон.

– Слабое имя, – ответила она, решительно зашагала дальше и очень скоро скрылась за густой листвой, которая становилась все гуще по мере удаления от фленшерного двора.

Ее темное тело исчезло за буйным цветением ярко-алых листьев джиона, который густым веером обеспечивал защиту от медленно поднимавшегося в небе Глаза Скирит. Их оплетал ярко-розовый вариск, его лианы были толстыми и сильными, точно бедра женщины, а листья крупными, как джион, с которым они отчаянно сражались за свет.

Возмущение стало его спутником, пока они шли через лес, и не только потому, что она заставила его продираться сквозь листву, вместо того чтобы воспользоваться более длинной и расчищенной тропой, по которой ходили жители острова, но также из-за утраты шляпы супруга корабля. За шесть месяцев, что прошли после того, как ему вынесли приговор, «Дитя прили-

вов» полностью заполнил жизнь Джорона; а мысли о том, чтобы повести его к славе или бежать, привели в западню нерешительности. Корабль был совсем не так хорош, но он принадлежал Джорону, и, оскорбляя «Дитя приливов», Миас оскорбляла и его.

Да проклянет тебя Старуха, Удачливая Миас.

У него не оставалось ни малейших сомнений, что ему она не принесет удачу, а также кораблю и тем, кто находился на борту, впрочем, команда его не слишком интересовала, да заберут их всех кейшаны. Он шел за ней, постоянно спотыкаясь, во рту у него пересохло, тело мечтало о висевшем на бедре калевасе, но, когда Джорон замедлил шаг и сделал несколько глотков, она остановилась и повернулась к нему.

– Мы найдем воду в лесу джиона, – сказала она. – Или сможем сделать надрез на стебле вариска. Среди моих офицеров нет пьяниц.

Ее офицеры? Что она имела в виду? Он добавил еще один пункт в неуклонно увеличивавшийся список своих обид.

Огромные джионы и вариск достигали здесь максимальной высоты, тропинки, появлявшиеся в этой части леса, моментально зарастали яркими ползучими растениями, и их неприятная окраска лишь усиливала его головную боль. Стебли легко падали под ударами курнова, но в нем росло чувство клаустрофобии, ему казалось, будто он оказался в ловушке, когда прорубленная тропа тут же смыкалась у него за спиной – лианы, стебли и листья не сдавались, продолжая упрямо тянуться вверх.

Лесные птицы устраивали настоящую какофонию всякий раз, когда его клинок срезал очередной стебель, некоторые предупреждали свои стаи, другие угрожали, и костяшки его пальцев, сжимавших рукоять курнова, побелели. Именно в это время года многие становились жертвами фираш, гигантских птиц, которые атаковали внезапно, мгновенно вскрывали человека когтями и уносили свои жертвы, чтобы сожрать их живьем. Быть может, Удачливая Миас станет их добычей? Но нет, в глубине души он понимал, что Удачливой Миас не суждено погибнуть в лесу в когтях огромной птицы.

Джорон настолько погрузился в собственные мысли, что с трудом расслышал Миас, когда она заговорила.

– Твоя команда на борту?

Он споткнулся о корень, сочившийся голубой смолой.

– Все, кроме говорящего-с-ветром, – ответил Джорон.

Она остановилась, повернулась и посмотрела на него.

– У черных кораблей нет говорящих-с-ветром, – заявила Миас.

– У «Дитя приливов» есть, но команда не хочет, чтобы он находился на борту, когда корабль стоит у причала, – говорят, это плохая примета, – сказал Джорон.

Она посмотрела на него так, словно ждала продолжения, но он не понимал ее недоумения – ведь это всем известно. От одной только мысли о ветрогоне по спине у него пробежал холодок, тошнота и дрожь усилились, и ему мучительно захотелось выпить.

– И где он тогда? – спросила Миас.

– Где?

– Я не стану спрашивать еще раз. Неужели выпивка лишила тебя остатков разума, и ты не в силах ответить на простейший вопрос?

Он не осмелился посмотреть ей в глаза.

– На бакене с колоколом у входа в бухту, – сказал Джорон. – Мы оставили его там.

– И когда он в последний раз ступал на землю? Когда его в последний раз приносили к ветрошпилю?

– Я... – Туман в голове отказывался рассеяться; мир вокруг плавал в тысяче разноцветных оттенков, скрученных, как его измученные внутренности.

– Проклятье Северного Шторма, выпей уже, наконец, раз ты так об этом мечтаешь, и помолись Морской Старухе, чтобы она вернула тебе разум, если не трезвость. Я сама спрошу говорящего-с-ветром, когда он поднимется на борт.

Она повернулась и снова зашагала через наполненный яркими красками лес, а он поднес флягу к губам и сделал глоток густого крепкого алкоголя. Какое-то невидимое за зарослями джиона и вариска существо отчаянно закричало – природа играла в бесконечную игру «жертва и хищник».

Чем ближе они подходили к берегу, тем сильнее становился запах, который окутывал корабль. Прежде, когда Джорон возвращался, он не обращал на него внимания, но сегодня почувствовал тошноту. От черного корабля через бухту дрейфовал вовсе не мрачный аромат смерти, а запах жизни – легкомысленный, хаотичный и беспечный. Они месяц назад обнаружили эту тихую бухту, где приказам непросто их найти, и поставили корабль на прикол. Рыбацкий поселок на берегу не хотел иметь с ними ничего общего, поэтому Джорон посчитал, что может оставить корабль. Те немногие члены команды «Дитя приливов», что умели плавать, не могли представлять опасности для жестких женщин и мужчин, населявших поселок. Его обветшавшая лачуга находилась достаточно далеко, чтобы обезображенная земля скрыла от него корабль, и ему было интересно, что говорила о нем команда, когда они поняли, что он выбрал такое место, откуда не мог видеть никого из них.

Ничего хорошего.

Флюк-лодка лежала там, где он ее оставил, затащив на бледно-розовый песок, который казался привлекательным и расслабляющим, но каждая песчинка таила в себе обман, потому что пляж усеивали раковины трассиков, по большей части сломанные, но попадались и целые, причем довольно много, они легко рассыпались под ногами и рассекали стопу, так что ходить по пляжу босиком было опасно. Миас, проклятая Удачливая Миас в своих сапогах спокойно шагала вперед, а ему приходилось соблюдать осторожность.

Флюк-лодка напоминала кокон, ее построили из листьев джиона, которые сначала высушивали и обрабатывали до тех пор, пока они не становились мягкими, точно птичья кожа, затем ими оборачивали скелет из обожженных стеблей вариска, а потом поджаривали на солнце, чтобы они были прочными, как кость. Флюк-лодки с самого начала получались коричневыми, но владельцы раскрашивали их в зловещие цвета: символы Морской Старухи, Девы или Матери, ока бури или шепотов четырех ветров.

Эта флюк-лодка была размером почти с гребную шлюпку, достаточно большая, чтобы в ней поместилось десять человек, но настолько легкая, что грести мог только один. Такие лодки способны принять на борт до двадцати, а иногда и тридцати человек команды, с большими листьями джиона, высушенными так, чтобы они играли роль крыльев, способных ловить ветер и нести лодку по морю.

Лодки для смелых до глупости, говорили многие, потому что хрупкую флюк-лодку, в отличие от прочных костяных кораблей, мог уничтожить один удачный выстрел из дугового лука, но Джорон знал, что у них имеются свои преимущества; он вырос, помогая отцу на одной из таких лодок, ярко-голубой, названной «Вздыхающий восток», вдвоем против моря, во время шторма, который так любил детей палубы.

Та лодка была очень быстрой и могла обогнать почти всех, даже крика и варина, и, когда огромные морские звери поднимали головы в поисках добычи, им никогда не удавалось догнать «Вздыхающий восток». Маленькая лодка бежала вместе с ветром, от соленых брызг волосы Джорона становились жесткими, когда он стоял на носу и смеялся в лицо опасности, уверенный, что знания и опыт отца позволят им уйти от любой опасности. И отец всегда приводил их суденышко домой, неизменно находил рыбу и защищал своего поющего сына. До последнего дня, когда не сумел этого сделать. Иногда Джорон не мог поверить, что он так жил

всего несколько месяцев назад – беззаботным, смеющимся мальчишкой, который стоял на носу флюк-лодки и еще не имел ни одного шрама.

Как он оказался в своем нынешнем положении?

Как попал сюда?

Девятнадцать лет на море и приговорен к смерти. Мир пульсировал, и голубое небо начало темнеть по краям.

Джорон знал, что эти мысли навеяны выпивкой, меланхолией, которую ему удавалось преодолеть лишь забвением, только так он мог от себя сбежать. Но он больше не мог пить, не теперь, когда она была рядом. Он решил, что будет продолжать жить ей назло. Если она заставит его очищать днище от грязи, он не станет возражать и дождется, когда наступит подходящий момент, чтобы забрать у нее свою шляпу.

Миас подошла к флюк-лодке и повернула ее, чтобы узкий киль вошел в песок и она могла столкнуть ее в воду. На ней не нашлось места для счастливых цветов; безымянная, выкрашенная в черный цвет, с единственным глазом на клюве, который поведет ее в море. Миас сразу направилась вперед, на нос, и поставила одну ногу на клюв. Глядя на нее, никто не усомнился бы, что она супруга корабля. Она не стала оборачиваться или что-то говорить, в том не было нужды. Джорон знал, что от него требовалось.

Он стал обычным членом команды.

Миас стояла на том месте, где должен был находиться он, хотя никогда этого не делал; ни один из членов команды «Дитя приливов» не сидел на веслах, и любой бы рассмеялся, если бы Джорон попросил. К тому моменту, когда ему удалось пробраться по опасному песку через пляж, Миас уже спустила лодку на воду, ему пришлось войти в море, и соленая вода обожгла сотни мелких порезов на ступнях. Джорон забрался в лодку, не обращая внимания на стекавшую с него воду, и почувствовал себя униженным, когда жаркое солнце принялось высушивать влагу с его одежды. Он взял весла и вставил их в уключины.

– Глупо оставлять лодку здесь, – сказала она.

– Кто станет красть лодку, которая годится только для мертвых? – спросил Джорон.

– Мертвые, – ответила Миас и указала на «Дитя приливов», который неподвижно застыл вдалеке.

Волнение на море никак не сказывалось на корабле, он выглядел неподвижным, как скала, о которую разбиваются души.

– Я оставил лодку на берегу, чтобы они не смогли ею воспользоваться, – спокойно сказал Джорон, хотя ему хотелось кричать.

Неужели она не понимает, что команда воспользовалась бы лодкой, чтобы сбежать, если бы он оставил ее на корабле?

– Ну, если они обычные люди, то некоторые определенно умеют плавать, не так ли? – Она не стала оборачиваться, чтобы посмотреть на его реакцию, оба знали, что Миас права. Единственная причина, по которой лодка оставалась на пляже, состояла в том, что команда была настолько пьяна, что они думали о побеге ничуть не больше, чем он. И вновь влажная одежда, прилипшая к телу, вызвала у него стыд. – Возможно, это прошло мимо твоего внимания. – Миас указала на «Дитя приливов». – Но у них уже есть корабль. – Он посмотрел на нее, чувствуя себя полнейшим глупцом. – А теперь гребь, – нетерпеливо сказала она, даже не посмотрев на него. – Я хочу взглянуть, насколько плохая команда у такого отвратительного супруга корабля, как ты.

Теплая влажная одежда прилипла к коже.

3. В тени Черного корабля

Черная вода – так называли грязный участок, где обломки корабля делали воду немного более плотной, создавая препятствие вокруг корабля.

Вода здесь была черной не только по названию. Если посмотреть на отражавшийся в ней корпус «Дитя приливов», возникало ощущение, будто ты приближаешься к бездонной дыре, как в тех местах, где дно под кораблем уходило вниз, и дети палубы слышали призыв Старухи присоединиться к ней в глубинах моря. Еще несколько мгновений назад Джорон направлял лодку по прозрачной зеленой воде, где под ними мягко парил розовый песок, и вот уже оказались в холодной тени корабля и плыли сквозь темноту в сторону мрака: жизнь уходила в смерть.

В военно-морском флоте Ста островов существовали правила встречи супруга корабля: команде следовало криками сообщить о его прибытии, трубить в горны, одеться и салютовать. Удачливая Миас, устроившаяся на клюве флюк-лодки, ничего этого не получила; не удостоилась даже простейшей вежливости – сброшенной вдоль борта лестницы. И, хотя она ничего не сказала, Джорон чувствовал, что Миас оскорблена до самой последней степени, и он видел, что все мышцы ее тела напряжены до предела. Когда флюк-лодка находилась на расстоянии пяди от «Дитя приливов», она прыгнула с клюва, и внезапное нарушение веса опустило лодку в глубины черной воды, но плавучесть вытолкнула обратно в фонтане белой пены, попытавшейся – без всякого успеха – последовать за Миас Джилбрин на борт корабля. Там, где вода упала обратно, она потревожила объедки и гниющий мусор, оттолкнув их от гладких черных ребер корпуса, словно Миас бросила вызов тяготению.

Оказалось, что она не нуждалась в лестнице; сам корабль стал для нее ступеньками, каждый выступ и острый край, каждая деталь, заставлявшая Джорона нервничать – ведь он знал, что они существовали для того, чтобы отнимать жизни, уничтожать плоть, убивать женщин и мужчин, *размазывать их по корпусу*, – она легко избегала опасности, ее ноги в сапогах находили опору между клинками – корабля, а руки инстинктивно чувствовали, за что можно ухватиться и не порезаться. Она двигалась к цели спокойно и уверенно, хотя никогда прежде не видела «Дитя приливов», никогда не взбиралась по его крутым бортам, никогда не изучала корпус на предмет гниения, не проверяла изгибы его поверхности. Все это ничего для нее не значило. Отец Джорона рассказывал о тех, кто «рожден для моря», но Джорон не понимал его слов. И вот он увидел Миас.

Через мгновение она перемахнула через поручни и оказалась на палубе. Джорон услышал топот ног по сланцу, когда привязывал флюк-лодку, затем звук удара сапога, врезавшегося в тело. Он быстро забрался на корабль, но проделал это гораздо осторожнее, чем она. До него доносились голоса, удивленные, рассерженные, и он почувствовал, как внутри у него что-то задрожало. Он знал свою команду, семьдесят два человека, что ходили на «Дитя приливов». Некоторые провели на корабле годы, другие только месяцы, но среди них не нашлось бы никого, к кому он мог повернуться спиной, не опасаясь, что тот достанет курнов, но Миас была бесстрашной и уже выкрикивала приказы пронзительным голосом.

– Встать! Встать! Я не позволю вам валяться на сланце. Возможно, Твайнер вас опасался, но я не знаю, что такое страх. Последняя женщина или мужчина, которые окажутся лежащими на палубе, – удар сапога по телу, – узнает укус веревки. – Крик, что-то невнятное. – Мне без разницы, что ваша кожа обгорела, когда вы пьяные спали под Глазом Скирит, вы заслужили ожоги. И вам станет много хуже, если вы не будете мне подчиняться.

Джорон перелез через поручни и обнаружил, что команда – *его команда* — стоит вокруг Миас в полнейшем недоумении, словно их застало врасплох проклятие Южного Шторма, налетел внезапный шквал и разбил корабль о невидимые скалы и рифы островов Лайро. Он разделял их чувства. Она была подобна могучему урагану, полна ярости, как Мать, которая явилась

к ним, чтобы учинить хаос и потребовать справедливости. Миас прошла на корму корабля, где находился невысокий помост – там по традиции стояли только офицеры и рулевой. И когда она шагала между небрежно сложенными кучами веревок и огромными дуговыми луками со спущенной тетивой – легко перепрыгнув через кое-как сложенную грудку крылоболтов – по пути она лягала всех, кто оказывался у нее на пути.

– Встать! Встать! – кричала она. – Прочь с моей палубы! Прочь с кормы, если только вы не считаете, что способны выступить против меня! – Удар ноги, затрещина, оглушительный вихрь ярости и грохота, яркие цвета на фоне тусклых оттенков серого, на фоне похмелья – команда «Дитя приливов» стояла вялая и унылая, как их судьба, и смотрела на женщину в двухвостой шляпе.

«Интересно, – подумал Джорон, – хотя бы один из них вспомнил обо мне? Где я сейчас и что со мной случилось?»

Скорее всего, нет, решил он, стоя между двумя огромными дуговыми луками, и сочившаяся из его горящих царапин на ступнях кровь окрасила воду вокруг ног – медленно расплывавшиеся темно-красные ручейки на фоне серого сланца палубы.

Нет, команде не было до него дела. Иногда они с интересом за ним наблюдали, когда он возвращался, чтобы, выполняя одну из своих обязанностей, раздать каждому несколько монет из их доли. Головы поворачивались в его сторону, и холодные глаза следили за ним, когда он спускался в большую каюту супруга корабля.

Там стоял сундучок, в котором лежали его жалкие вещи – их стало еще меньше с тех пор, как он в первый раз поднялся на палубу – денег, которые он получал, никогда не хватало, чтобы купить самое необходимое в рыбацком поселке. Всякий раз, когда он покидал «Дитя приливов», Джорон тревожился о своем сундучке, однако не мог взять его с собой – тем самым он отсекся бы от власти, которой обладал, ведь тогда любой член команды мог сказать, что он сбежал с Черного корабля. А когда он возвращался, ему было страшно подойти к сундучку, он боялся обнаружить взломанный замок, и тогда его власть исчезнет – *какая власть?*

И в долгие жаркие ночи, когда он, страдая от клаустрофобии, спал в разваливающейся лачуге, ему часто снился сломанный замок, быстрый удар ножом в спину и кровь на белых костяных досках большой каюты. Свет наконец начинает меркнуть, когда «Дитя приливов» берет свое и передает его усталую душу в руки Морской Старухи, которая поджидает каждого.

Но этот момент так и не наступил, и всякий раз, когда Джорон видел, что замок не пострадал, он ощущал глубоко внутри, что его власть, пусть и совсем незначительная, сохранилась. И только сейчас, глядя на покрасневшие спины своей бывшей команды, Джорон понял, как сильно ошибался и каким ужасным глупцом был все это время. Морские сундучки священны для любого из детей палубы, и совать свой нос в чужой значило нарушить одно из множества суеверий, вроде того, чтобы бросить краску на причал или основание костяного шпангоута, который нельзя ломать.

Они не обращали на него ни малейшего внимания, когда он стоял, и его ноги медленно кровоточили, но ни один из них не мог отвести глаз от Миас, расхаживавшей взад и вперед, точно фираш в клетке. В ней жила не вызывавшая сомнений ярость, нечто внутреннее – ревущий, пусть и невидимый огонь, однако, они его чувствовали по жестким движениям ног и рук и свирепому взгляду, оценивавшему состояние палубы. Она пинала пустые бутылки и разбросанные веревки, у нее шевелились губы, когда она шагала по корме. Возможно, мысленно она повторяла слова, которые собиралась сказать команде? А пряди седых, синих и красных волос мерцали, точно молнии далекой бури.

И, когда она так расхаживала, Джорон понял, что, если отбросить нескольких человек, которых он считал очевидной угрозой, он врал себе относительно команды. Он их не знал. Он даже не мог определить по обожженным спинам, кто из них кто. Они не принадлежали ему сейчас и никогда прежде. Он смотрел на множество спин всех форм и оттенков Ста ост-

ровов и понятия не имел, какие имена носила кожа. Даже тех, чьи лица он видел, когда они поднимались, моргая, с нижней палубы, он не мог назвать, пока они шурились и удивлялись внезапному изменению ветров, что теперь дули в их жизни.

Джорон совсем их не знал. Она заставила всех смотреть на корму, и они про него просто забыли. В то время как он дрожал, горбился и старался уйти от равнодушных взглядов, она требовала их внимания – и они повиновались. Они не могли поступить иначе.

Как и он.

Джорон начал их считать, потом бросил, решив, что присутствует вся команда. Он заметил, как курсер крадется вдоль края группы в своих грязных, покрытых заплатами и дырами одеждах – проклятье, ему следовало знать хотя бы его имя. Он ведь его помнил, не так ли? Алерри? Алерит? Эйлерин. Да, именно Эйлерин. Но курсеры были из иных, и это вызывало у него неловкость; женщины, мужчины и он сам относились к ним с тем же суеверным ужасом, который его охватывал, когда он думал о ветрогоне, говорящем-с-ветром, который находился на далеком бую с колоколом.

– Вы воняете, – негромко сказала Миас. – Вы меня слышите? Вы воняете, и это позор. От самого жалкого рыбака из флюк-лодки до команды могучего «Ужаса аракисиана», матросы Ста островов всегда следят за чистотой. Мы не налетчики. И не жители Суровых островов, чтобы валяться в собственной грязи и летать на кораблях, запах которых ощущается прежде, чем они появятся на горизонте. У нас есть гордость. – Ее глаза буравили толпу, заставляли их переступить с ноги на ногу и опускать головы. – Однако от *вас* воняет.

– А кто ты такая, чтобы швыряться в нас подобными словами? – Говоривший терялся в толпе, но голос Джорон узнал. Старая Брайрет.

Женщина была напряжена, точно натянутая веревка, и приговорена еще в юности. Она едва ли знала другую жизнь, кроме той, что провела на борту «Дитя приливов», и имела слабое представление о внешнем мире. Только для таких, как она, личность женщины на корме могла оставаться тайной.

– Меня называют Удачливой Миас.

– Ну, значит, не такая уж ты удачливая, – заявила Брайрет, – если тебя отправили к мертвым.

Казалось, Миас вдруг начала расти и выпрямляться, как если бы постыдная ссылка являлась причиной для гордости.

– Я Миас Джилбрин. Я разбила флот Суровых островов у пролива Килхьюм. Я захватила четырехреберное «Несчастье дарнов» с горсткой флюк-лодок. Я перворожденная Тиртендарн Джилбрин, которая поведет всех вас за собой.

Джорон услышал шепот, подобный шороху волны на кровельной дранке.

– Перворожденная – проклятая, перворожденная – проклятая... – Так и было.

– Во мне нет проклятия, потому что я избрана морем, которое выбросило меня на берег ребенком, когда налетчики вокруг терпели крушение. Я слышу шепот бурь на севере, юге, востоке и западе, я любимица богини молодых, богини людей и темной богини глубин. Дева, Мать и Старуха слушают, когда я говорю. – Она смолкла, величественная, царственная правительница корабля, она ждала, что кто-то отважится бросить ей вызов. Когда она снова заговорила, ее слова прозвучали в такой глубокой тишине, словно наступил полнейший штиль. – Вы узнаете, и я в это верю, что Старуха посылает меня туда, где во мне возникает нужда. – Она оглядела корабль – грязь, возмущенные лица, потом ее взгляд остановился на нем, Джороне Твайнере. – Старуха знает, что я необходима здесь, причем в самой крайней степени.

Наступил момент, когда Джорон ждал, что кто-то осмелится выступить против нее. Ему казалось, кто-то *должен* перевернуть часы, чтобы начал сыпаться песок, и все увидели течение времени, но никто этого не сделал, и вызова не последовало. Он выбрал самых вероятных кандидатов: Барли, огромная женщина, рядом с которой замерли две ее лучшие подружки;

Квелл, опиравшаяся на поручни, как и всегда, одинокая, сухощавая, гибкая и опасная, но и у нее имелись сторонники; а еще Канвей, окруженный своими парнями, стоявшими с другой стороны, именно его Джорон боялся больше остальных, потому что он был хищником. Джорон не раз видел, как взгляд Канвея скользил вдоль его икры, и его неприкрытая похоть не могла не пугать. Но сейчас все они застыли в неподвижности, потрясенные силой презрения Удачливой Миас.

– Вымойте палубу, – сказала она. – Сверните веревки в мотки и приведите в порядок дуговые луки. Подготовьте «Дитя приливов» к полету и сражению, потому что именно этим нам предстоит заняться, и не рассчитывайте на что-то другое. Я знаю, что вы крутые, и, когда придет время... – Ее взгляд стал перемещаться, остановился на Канвее, потом на Квелл и Барли. – Вы захотите меня испытать. Надеюсь, вы поведете себя как истинные дети палубы, в честном поединке. Потому что дарны хотели отдать меня кораблям в качестве света, когда я была малышкой, даже после того, как море меня вернуло. Но во время церемонии к ним пришла Мать и заявила, что я не умру в качестве жертвы и не погибну в результате предательства, вы меня слышите? Она сказала, что я найду смерть, сражаясь. Вот почему, если вы только не ставите под сомнение волю Девы, Матери и Старухи, вы обнажите свои клинки, когда мы будем стоять лицом к лицу, верно? – И вновь ее быстрый взгляд прошелся по их рядам, дожидаясь ответа, которого не последовало. – Ну, тогда за дело! Шевелитесь!

И они зашевелились, а внутри у Джорона что-то перевернулось, и он понял – испытав потрясение и одновременно откровение, – как он желает обладать тем, что у нее есть, свободой повелевать, когда казалось, будто она вовсе не чувствует тяжести двухвостой шляпы на своей голове.

– Твайнер. – Она сплюнула на палубу. – Ты пойдешь со мной в большую каюту.

– Нет, – выступив вперед, заявила Барли, в коротких, выкрашенных в синий цвет волосах которой застряли хлопья кожи. У нее были белые, как лед, щеки, а глаза почти терялись на круглом лице. – Приказать нам вымыть корабль... ну, ты носишь двухвостую шляпу и лишь немногие достойны ее более тебя. Но ты не возьмешь *это*, – она указала на Джорона, – в большую каюту, как будто он твой помощник. – Она развернула черный однохвостый лоскут, шляпу смотрящего палубы, второго офицера по старшинству на палубе костяного корабля, и надела ее на голову. Шляпа едва поместилась на макушке и выглядела смехотворно, и даже слабый порыв ветра мог ее унести. – Если он хочет мое место, ему придется его забрать.

Джорон задрожал от страха, словно холодное море пробралось внутрь тяжелой вонючей куртки, заморозив его до самых костей.

– Я хочу твое место, – сказала Миас, сходя с помоста на корме, – для него, по собственным причинам, но я не вижу надобности делиться ими с тобой. – Вокруг двух женщин начал образовываться круг. – Так что я заберу у тебя шляпу по причинам, которые также не намерена тебе сообщать. – Рука Барли потянулась к курнову, висевшему на боку, но Миас покачала головой. – Нет, нет, моя милая. Такой сильной девушке, как ты, не нужно оружие. Я совсем хрупкая штучка и не сомневаюсь, что ты сумеешь лишить меня жизни без особых усилий, верно?

Барли с подозрением смотрела на нее, но не могла отказаться, и ей пришлось кивнуть.

– Но подумай сначала вот о чем, девочка. Ты получила эту шляпу благодаря своей силе, ведь так? Твой акцент говорит о том, что ты из Гленхьюма, где тренируют в силе, но больше ничему не учат. А скажи-ка, милая, как у тебя с числами? – Миас присела на корточки около кормового позвоночника, окунула руку наудачу в горшок с красной краской и обнаружила, что та почти высохла. Тогда она стряхнула остатки на палубу, добавив их к линиям и точкам, которые там имелись, встала, коснулась кончиками пальцев лица, оставив красные пятнышки на щеках, и шагнула вперед. – Твоя рука сумеет держать перо и записывать мои указания? –

Миас снова шагнула вперед, и Джорон увидел невозможное: Барли, огромная, вселявшая страх Барли, отступила.

Казалось, каждое слово Миас подобно удару хлыста.

– Сила, вот что нужно на корабле, и ничего больше, – заявила Барли.

Теперь она шагнула вперед, возвышаясь над Миас.

Супруга корабля не дрогнула.

– Как вычислить кратчайший путь между островами, милая? Ты сумеешь понять заметки курсера? Как будешь стоять у руля, когда скроется Глаз Скирит? Как узнаешь по карте, где находятся рифы? Насколько близко сможешь подвести корабль к Хребту Скирит и не потерять ветер? – И вновь каждое ее слово было, словно удар кулака, и Барли снова отступила, но Джорон чувствовал ее растущий гнев, как бурю на своей коже, видел ярость на покрасневшем лице, обычно таком же бледном, каким темным было его собственное. – Как ты сможешь...

Барли с криком ярости, размахивая огромными мясистыми кулаками, бросилась вперед. Миас пригнулась, шагнула в сторону, сделала подсечку, и огромная женщина рухнула на палубу. Миас тут же оседлала ее, используя свой небольшой вес, чтобы заломить массивную руку Барли за спину, и очень скоро ярость великанши исчезла, и она лишь кряхтела от боли. Миас наклонилась вперед и прошипела так, чтобы ее услышали все:

– Барли, я вижу в тебе силу, которая мне очень пригодится, когда придет пора работать веслами, ты ведь слышишь меня? Я вижу, как ты сидишь на заднице рядом со мной, ты слышишь? Но я не вижу тебя в этой шляпе, ты слышишь?

– Да заберет тебя Старуха! – прохрипела Барли. – Да заберет тебя Старуха, Миас Джилбрин! Я отдаю тебе проклятую бурей шляпу!

И Миас ее забрала. Подняла с палубы, куда та упала, и пошла прочь, повернувшись спиной к большой женщине, не опасаясь, что та снова ее атакует.

Когда она проходила мимо Джорона, она бросила ему шляпу.

– Большая каюта, Джорон, и поспеши, или... – Миас показала на шляпу, вяло поникшую у нее в руке, – ...она может захотеть получить ее обратно.

4. Найти свое место

Он последовал за Удачливой Миас в люк, вниз по крутым ступенькам, держась за поручни – одной рукой для корабля, другой – для себя. Как только палуба скрыла солнце, его окутала темнота. Амбразуры на боку «Дитя приливов» были развязаны, но пропускали мало света и почти не охлаждали корабль. Жар здесь носил другой характер: он казался давящим, плотным, почти материальным. Наверху он был сухим и неистовым, а здесь влажным и окутывающим; он всасывал тебя, воровал дыхание.

Запах запертых в замкнутом пространстве людей был почти непереносимым.

Им приходилось идти согнувшись и опустив головы, чтобы избежать столкновений с нависшими над ними костями, глядя на нижнюю палубу, испещренную полосками света, падавшего из амбразур на истертый разноцветный пол – от черного к серому и белому, и снова к серому и черному – там, где бегала команда и волочила за собой самые разные предметы. Джорон смотрел на полосы своего стыда и шрамы, оставленные веревками и указывавшие на то, как он пренебрегал состоянием «Дитя приливов», и каждый его следующий шаг мимо небрежно повешенных гамаков, сквозь вонь и мусор, заставлял его чувствовать себя все меньше.

В некоторых местах внутрь проникла и осталась стоять в лужах вода – когда он в последний раз включал насосы? – в результате кости аракисиана начали гнить. Этот запах присутствовал постоянно, корабль им пропитался, но теперь слишком поздно, Джорон понял, что он стал слишком сильным; почти невыносимая вонь гниющих костей наполняла нижнюю палубу, жирный серый запах на фоне пурпурного – разлагавшейся плоти.

В большой каюте стоял его сундучок.

«Интересно, – снова подумал он, – остался ли замок нетронутым?»

Миас открыла дверь. Она заскрипела. Одна из стеклянных панелей была разбита, вдоль нее шла зазубренная трещина, а вокруг остались жирные отпечатки рук. Миас немного помедлила, потом провела длинным изящным пальцем вдоль трещины. Когда она убрала руку, на стекле появилось пятно крови, точно обещание насилия.

Большая каюта «Дитя приливов» резко отличалась от остального корабля – единственное место, где кость была чистой и белой. Несмотря на половицы пола, вырезанные из широкой кости огромного аракисиана, поцарапанные и грязные, белый цвет помещения производил шокирующее впечатление – с очевидным намерением ошеломить любого члена команды, ступившего во владения супруга корабля.

Миас вошла – не вызвало сомнений, что белый цвет не произвел на нее ни малейшего впечатления. Рабочий стол из высушенного вариска и джиона и парный стул были сдвинуты в сторону, подальше от окон, в заднюю часть каюты, и внутрь проникало много света. Миас сразу принялась двигать стол к окну, пока не нашла для него правильное положение – углубление в кости, появившееся за долгие годы существования корабля. Незаметное место на палубе, где он всегда стоял, и которое – она не сомневалась – должно быть там, где и положено, даже не задумываясь, как его найти. Это был ее мир, она все здесь знала и понимала, такова сущность истинной супруги корабля.

Миас села за стол и некоторое время осматривалась. Затем замерла. Долетевший откуда-то порыв ветра отбросил прядь крашенных волос ей на лицо, заставил слегка пошевелиться перья и зазвенеть амулеты на обтягивающей темно-синей форменной куртке.

Тишина давила на Джорона и заставила заговорить, потому что Миас, очевидным образом, не собиралась этого делать. Когда он открыл рот, Джорон неожиданно сообразил, что стоит по стойке «смирно», расправив плечи. Все его мышцы напряглись – так тихая волна набегает на – берег.

– Почему? – спросил он.

– Почему? – только и сказала она. Нет, это не был вопрос, обращенный к нему, возможно, она спрашивала себя, как если бы не до конца понимала мотивы собственного поведения. – Почему? – повторила она.

Сверху до них доносился топот ног, шорох и шипение щеток, которые толкали воду по палубе, стук перемещаемых по палубе предметов и крики женщин и мужчин на такелаже, крыльях и хребте «Дитя приливов».

– Зачем ты дала мне это? – Он поднял смятую однохвостую шляпу. – Зачем было драться, чтобы передать ее мне?

– Супруга корабля должна показать команде, что она сильна, и схватка дала мне возможность это сделать. Некоторое время они будут напуганы, верно? – Миас кивнула самой себе и провела руками по столу, расставив их в стороны. – К тому же я не солгала. Мне нужно, чтобы мой помощник разбирался в цифрах, а теперь скажи мне, что я не совершила ошибку, Джорон Твайнер. Ты ведь умеешь работать с цифрами? И читать?

Он кивнул.

– Но как ты узнала? – спросил Джорон.

– Джорон Твайнер – это рыбацкое имя, и я решила, что ты сын рыбака.

Он снова кивнул.

– Я не встречала ни одного рыбака, который не хотел бы, чтобы его сын продвинулся в жизни значительнее, чем он сам, хотя Морская Старуха знает, что наш мир стал бы лучше, будь в нем больше рыбаков и меньше воинов. – Последние слова она произнесла едва слышно, и ее руки вновь прошли по столу, вдоль высушенных листьев, прикрепленных к нему для создания плоской поверхности для письма. – Где твои карты?

Джорон вновь испытал потрясение, его сковал настоящий паралич, требовавший, чтобы он взял флягу, висевшую на бедре, и сделал большой глоток, поскольку карты находились в руках штурмана, того, что привел его корабль сюда, в залив Кейшанблад. Джорон обменял их на информацию и монеты, которые потратил на выпивку и еду, он приносил их в свою ветхую лачугу, где прятался от своей судьбы.

Прятался. Шутка, конечно. Старуха видит все и ничего не забывает.

– Карты? Я... – У него не нашлось ответа и достойного способа закончить предложение.

– Продал за выпивку, да? – Он собрался начать оправдываться, ожидая порицания Миас, но она его остановила. – Послушай меня, Джорон Твайнер. – Миас обошла стол, остановилась возле него и заговорила немного тише. – Ты понимаешь, что корабль представляет собой целый мир? Теперь «Дитя приливов» стал моим миром, и в нем действуют *мои* правила. Мое слово – закон для всех, кто летает с нами. Что происходило до того, как «Дитя приливов» ощутил тяжесть моих сапог на палубе, останется между тобой и Старухой, и меня совершенно не интересует. Мы будем действовать, как того требуют обстоятельства. – Она посмотрела на костяной потолок, прислушалась к скрипу щеток на сланцевой палубе. – Ты меня понял? Мы вычистим палубы, чтобы двигаться дальше, нам предстоит очень много работы. Так что сейчас мне нужна правда, поскольку у меня есть цель и очень мало времени для ее осуществления. – Он подождал немного, ожидая какой-то каверзы после того, как она так сильно смягчила голос, но Миас молчала, предоставив говорить ему.

– Карт нет, – признался Джорон.

– Хорошо. Мы найдем какие-нибудь, когда вернемся в Бернсхьюм, а также припасы и деньги для команды, чтобы они отослали их своим семьям, если таковые имеются. А теперь отправляйся в трюм и убедись, что там есть запасы еды и воды хотя бы на четыре дня, пришли ко мне курсера и скажи ему, чтобы принесли уголь. Мы нарисуем карты здесь, на палубе, и ты проверишь для меня некоторые числа.

– Но курсер...

– Почти наверняка лучше нас с тобой в этом разбирается, пока я не знаю наверняка, и мы с тобой будем проверять все, что он скажет. Ты понял? – Он кивнул. – А теперь иди, Джорон Твайнер. – Он шагнул к двери, но она заговорила снова: – Я забыла еще кое-что. – Его пальцы дернулись, так ему хотелось скорее схватиться за ручку двери, чтобы убраться из каюты и не находиться рядом с Миас.

– Да?

– Ты должен обращаться ко мне «супруга корабля», хранитель палубы.

– Слушаюсь, супруга корабля, – сказал Джорон.

– До того, как тебя приговорили, как долго ты служил на флоте Ста островов?

– Я не служил, супруга корабля.

– Ни единого дня? – спросила Миас.

– Верно, супруга корабля. Ни единого дня.

Ему показалось, что он услышал недоумение в ее голосе. Миас не понимала, как он мог попасть сюда и стать супругом корабля в девятнадцать лет, а не оказаться в море с открытыми венами, надеясь умереть прежде, чем до него доберутся морские существа, поднявшиеся из глубин. Но она не спросила. Миас молчала, и, когда Джорон убедился, что она больше ничего не скажет, вышел, чтобы оказаться как можно дальше от светлой большой каюты в темноте нижней палубы. По всей ее длине горели тусклые огни – черепа птиц кивелли, наполненные маслом неборыб, испускавшие слабый свет, пробивавшийся сквозь кость.

Каюты супруги корабля, хранителя палубы, курсера и говорящего-с-ветром находились рядом в задней части корабля, хотя Джорон входил только в большую. Курсер и говорящий-с-ветром смущали его, каждый по-своему, и он предпочитал избегать общения с ними, а каюта хранителя палубы принадлежала Барли, пугавшей его своими размерами и аурой насилия, которая ее окутывала. Он постучал в дверь каюты курсера и тут же проклял себя, помянув Северный Шторм. Хранитель палубы не должен стучать; он помощник супруги корабля и может входить, куда пожелает.

– Войдите. – У него был мягкий голос.

Джорон вошел и обнаружил, что курсер сидит на постели, закутанный в грязные белые одеяния, а каюту наполняет сладкий аромат фимиама, впрочем, неспособный перебить вонь стоявшего на приколе корабля.

– Супруга корабля хочет видеть вас в своей каюте, – сказал он.

Джорон не видел его лица под капюшоном, и внезапно ему стало любопытно, что он скрывает, захотелось отбросить его назад и выяснить, мужского он рода или женского. И сумеет ли он это понять? Однако он ничего не сделал, а лишь стоял, как новый рекрут, из всех сил старающийся избежать взгляда офицера.

– Меня? – спросил курсер. – Но у меня нет карт.

Был ли его ответ слишком резким? Быть может, он винил его в отсутствии карт? Весьма возможно, но Джорон обнаружил, что мягкий голос курсера невозможно читать, как и странные знаки и символы, нарисованные на стенах каюты, говорившие о великих бурях, что сотрясали окраины мира.

– Супруга корабля сказала, чтобы вы принесли уголь и начертили карты на палубе, – объяснил Джорон.

– Ладно, – сказал курсер, – если так хочет супруга корабля, я повинуюсь.

Курсер неспешно поднялся с кровати и аккуратно затушил лампу с курящимся фимиамом – огонь на корабле всегда представлял опасность. Конечно, кость горела неохотно, но клей, при помощи которого скрепляли части костяных кораблей, был огнеопасным. Мимо Джорона прошла хрупкая женщина, и он подумал: как кто-то столь скромный мог оказаться среди приговоренных? Он прикоснулся к птичьей ноге у себя на шее, почувствовал слабое утешение от

грубой чешуи и острых когтей и прошептал несколько слов Морской Старухе в надежде на искупление, когда он, глубоко под водой, предстанет перед костяным погребальным костром.

Джорон вышел из каюты и закрыл дверь. По пути в трюм он прошел мимо Квелл, такой же маленькой, как курсер, но куда более опасной. Она посмотрела на него блестящими глазами из-под падавших на лицо седых волос.

– Ты совершил ошибку, позволив Миас взойти на борт, мальчик, – сказала она. – Запомни мои слова, с ней мы не будем иметь ни мгновения мира на палубе. Подожди, и нож найдет ее, какой бы везучей она ни была, а потом он может добраться и до тебя.

– Я хранитель палубы. – Он произнес эти слова так, чтобы показать, что обладает властью, но получилось, словно выдал постыдный секрет или пытался попросить прощения.

– Да, похоже, ты так думаешь. – Она поднялась вверх на несколько ступенек, ее тело оказалось под самым потолком, точно насекомое, и он мог пройти под ней.

И, хотя он даже не пытался посмотреть вверх, Джорон чувствовал, что ее взгляд готов прожечь в нем дыру, когда он спускался в трюм, чтобы проверить запасы.

Здесь вонь гниющих костей стала еще сильнее. «Дитя приливов» нуждался во внимании костяных мастеров, но ремонта требовала половина судов флота, а корабль мертвых всегда будет находиться в самом конце очереди. «Дитя приливов» не был белым и сияющим флагманом, над которым гордо сияли зоресветы.

За запахом гниющей кости пряталась вонь человеческой мочи; не вызывало сомнений, что некоторые члены команды в пьяном ступоре облегчались прямо здесь. Джорон постарался не думать о том, куда ступали его босые ноги, и сосредоточился на подсчете сосудов с водой, огромных, с квадратными основаниями, проверил уровень воды в них и пришел к выводу, что запаса хватит на несколько дней, но не больше. А провизии и того меньше, впрочем, можно ловить рыбу, если положение станет тяжелым.

Любой корабль приличных размеров привлекал клювозмеев, а одним из них можно накормить целую команду, хотя справиться с ним совсем непросто – и они сами способны убивать, если у них появляется шанс. Дальше стояли горшки со *слиюной старухи*, очищенной и смешанной с порошками мастерами костей, вязкое вещество, которым смазывали крылоболты. Когда они загорались, жар был настолько силен, что расплавлял кости и плоть, а огонь не удавалось потушить даже водой. Запасы оказались совсем скромными, но Джорон не представлял ситуации, когда в ней возникнет нужда. Более того, слюна старухи могла стать более опасной для «Дитя приливов», чем любой враг, поэтому он перетащил два огромных сосуда с водой так, чтобы они скрыли горшки.

Джорон удовлетворенно вздохнул, решив, что на первое время запасов достаточно, и был этому рад – он не сомневался, что скоро они отправятся в путь. Глаза Миас горели, у нее явно имелась цель, но он не понимал, как ей объяснить, что они еще не готовы сражаться. И, если она собиралась повести команду в схватку, такой команды у нее пока не было. Они не стали единым целым и представляли собой отдельные группы, испытывавшие недоверие и презрение к остальным, а если им придется работать рядом у дуговых луков... впрочем, разве они делали это прежде?

Но станет ли она его слушать? Он сомневался.

5. Те, что стоят на палубе

Джорон вернулся в большую каюту, пройдя по незнакомому кораблю, где вся команда усердно трудилась.

С каждым скрипом щетки по сланцу, грохотом бочки по костям или поющим ритмичную песню голосом, хозяин которого тянул веревку или поворачивал колесо, его все сильнее наполняло отвращение. Почему она сумела добиться такого результата, а он – нет? Возможно, правда состояла в том, что его изгнали дарны, он был позорным ребенком слабой матери и не обладал властью. Его мать умерла при его рождении, как случилось со многими женщинами. И, хотя Джорон оказался одним из немногих счастливых, появившихся на свет без физических недостатков или без одной из конечностей, кровь, хлынувшая из ее сломанного тела, доказывала, что по материнской линии у него слабая наследственность. И надежда, что он окажется в рядах избранных, среди самых могущественных людей Ста островов, ушла вместе с ее жизнью.

А как насчет Миас? Она родилась у одной из самых плодовитых женщин Ста островов. Ее мать пережила тринадцать рождений и теперь правила Ста островами, пользуясь заслуженным благоволением Старухи. Быть может, именно сильная кровь давала Миас власть, которой всегда будет не хватать остальным? Или причина в том, что она выросла в больших жилищах флота, проходила обучение среди спиральных камней, в оплетенных виноградной лозой и уходящих к небу куполах с круглыми основаниями, мерцавшими мириадами ярких красок, разбрызганных по камням, чтобы выпросить милость у Морской Старухи, Матери или Девы?

Мальчишки рыбаков никогда не получали приглашений к спиральным хижинам. В лучшем случае, их нанимали складывать крылья, лазать по такелажу и вращать колеса дуговых луков – и, конечно, умирать. Они нанимались умирать. Если им очень везло, перед смертью они становились казначеями, мастерами крыльев или гребцами, но не могли взойти на корму корабля без приглашения, ведь это место предназначалось для детей дарнов и избранных, которым благоволила Старуха.

Однако он здесь. И складывалось впечатление, что останется тут и будет носить шляпу хранителя-палубы, хотя ему никогда не понять, почему так случилось. Джорон не сомневался, что на борту есть и другие люди, умеющие хорошо считать.

Да и хотел ли он знать, почему Миас так поступила?

Стол в большой каюте вытащили из удобной колеи и придвинули к стене, белый пол рисовали черными линиями и символами, которые Джорон хорошо знал, хотя ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, откуда, настолько странным было их появление здесь. Пока он пытался справиться с удивлением, Миас не обращала на него внимания, погружившись в изучение начертанных на полу строк. Между тем курсер что-то бормотал себе под нос и рисовал новые знаки, добавляя их к длинной строке обожженным концом палочки и заканчивая изящным завитком, – одновременно их смысл отображался в сознании Джорона, вставая на место, точно каменная доска, занимающая свою позицию в конструкции.

Карта, незнакомая из-за своего огромного размера – на весь пол каюты, – а еще из-за того, что ее нарисовали не на птичьей коже, была не слишком точной: хорошо знакомые Джорону бухты и заливы превратились в гладкие участки, а многие береговые линии Ста островов практически исчезли из-за того, что не имели отношения к курсу, выбранному Миас. Символы и числа, нанесенные курсером, вертелись в его сознании, и возникала новая линия, изгибающаяся по костяному полу, но только у него в голове – маршрут, по которому Миас собиралась направить «Дитя приливов», пересечь Архипелаг, пройти между островами и по каналам, пока они через полтора дня не окажутся в Корфинхьюме – если Восточные шторма будут к ним благосклонны.

– Канал Баффинли заблокирован оползнем, – не успев подумать, сказал Джорон, потому что знал, слышал, как об этом говорили в какой-то таверне на материке, где жизнь была стабильной и не случалось землетрясений.

Кончик обожженной палочки курсера остановился на белом полу; он поднял свою скрытую капюшоном голову и посмотрел на Миас, а когда супруга корабля кивнула и нетерпеливо щелкнула пальцами, подтверждая слова Джорона, курсер вернулся к своим вычислениям, аккуратно стерев кусок карты, заново прокладывая путь, добавив, по прикидкам Джорона, четыре дополнительных часа к предстоящему им путешествию.

– Как поет ветер? – спросила Миас.

Джорон не ответил, он не понял, кому она задала вопрос, ему или курсеру.

– Воздух все еще в бухте; шторма не станут нас благословлять или проклинать, – ответил курсер голосом, похожим на шепот. – Я вижу, как тучи бегут на восток, к горизонту, где солнце не сожжет их, супруга корабля. Я не слышу песни великих штормов. Лишь мелодию добрых ветров.

Миас кивнула.

– Да, корабль почти не раскачивается, и ничего другого быть не может. Джорон, спусти флюк-лодку, возьми нас на буксир и доставь к бую, чтобы забрать ветрогона. Он поведет нас остаток пути из гавани, пока мы не найдем ветер, который наполнит наши крылья.

– Но он... – начал Джорон.

Она не собиралась позволять ему закончить фразу.

– Выполняй приказы, не выдумывай оправданий. – Она произнесла эти слова без малейших колебаний, лишив его возможности возразить.

Его рука коснулась рукояти курнова. Она улыбнулась, во всяком случае, ее холодные губы дрогнули, и этого оказалось достаточно, чтобы он убрал ладонь с рукояти, повернулся и вышел на залитую теплым светом палубу, чтобы выполнить приказ.

– Мне нужно, – начал он не слишком громко, и его слова не услышали дети палубы, занятые чисткой сланца. Он кашлянул. Собрался с духом. И начал снова. – Мне нужны добровольцы! – закричал Джорон. Никто не повернулся; все вдруг нашли очень важные занятия. – Я сказал... – снова закричал он.

На этот раз некоторые повернулись, перестав работать и обратив на него мрачные взгляды.

Барли поставила на палубу багор, который держала одной рукой, а он с трудом поднял бы двумя, и подошла к нему.

– Твайнер, – сказала она. – Почему она здесь?

– Мне нужна группа, чтобы...

– Я спросила: почему она здесь, Твайнер?

Голос Барли наполнял угроза, как в тот момент, когда копьё входит в тело длинноцепа, и все уже знают, что его мечущийся хвост в убийственной ярости появится на поверхности воды – только не тот, кто умрет от гнева животного или в его зубах.

Джорон открыл рот, чтобы ответить, и в этот момент Барли сделала шаг назад и почти тельно опустила голову. Перед ним?

Нет. Конечно, нет.

Он повернулся, прекрасно зная, кого увидит, кого должен увидеть: Миас, стоявшую у люка.

– Барли, – сказала она, поднимаясь на главную палубу. – Я рада видеть, что ты полна энтузиазма. – Барли кивнула, словно так и было, и Миас подошла к ней, снимая с привязи из рыбьей кожи один из арбалетов, висевших на куртке. – Возьми семь человек, которым доверяешь, и отправляйся на нашей флюк-лодке в рыбацкий поселок. – Она протянула ей кусок пергамента. – Конфискуй еще одну лодку, достаточно большую, чтобы выдержать существенную

нагрузку, но такую, чтобы она, в случае нужды, поместилась на палубе, и чтобы у нее были крылья, если таковая отыщется.

– Им это не понравится, супруга корабля, – сказала Барли, не поднимая глаз от палубы.

– И поэтому я посылаю к ним женщину твоих размеров, – сказала Миас, кивком показав на пергамент. – В письме говорится, что Бернсхьюм заплатит за то, что мы у них возьмем, а поскольку сейчас время роста, они смогут без проблем заменить свою лодку.

«Любопытно, – подумал Джорон, – знает ли Миас, что лжет?» Ведь для того, чтобы сделать даже простейшую флюк-лодку, требуется не менее месяца, значит, в течение этого времени семья владельца конфискованной лодки будет голодать. И имеет ли это для Миас какое-то значение?

– А теперь, – сказала Миас, – выполняй. – Она повернулась, и дитя палубы, пытавшийся быстро пробежать мимо нее, остановился, не в силах поднять глаза. – Ты, – продолжала она, – возьми рогатку и начинай сбивать скииров с крыльев корабля. Убей парочку, и остальные не захотят возвращаться. Джорон, ты пойдешь со мной в каюту, – сказала она голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Сердце у него упало в желудок, распространяя волну холодеющей крови по телу, когда скииры, подняв страшный шум, взлетели с крыльев корабля, протестуя против смертельного оскорбления, нанесенного одному из их товарищей камнем, пущенным из рогатки.

Джорон последовал за Миас из света в темноту. Поднимавшийся с нижней палубы запах напоминал ему, что он живет среди мертвецов, но в большой каюте с превращенным в карту полом света было больше, хотя атмосфера в ней не изменилась. Не обращая на него внимания, Миас молча перетащила письменный стол на прежнее место и уселась за него. На столе лежала однохвостая шляпа хранителя-палубы. Черный материал, сложенный вокруг круглой макушки, сзади свисает плетеная веревка, которая должна покоиться на спине хозяина.

– Тебе не следует спрашивать, кто готов стать добровольцем, – сказала Миас. – Ты офицер флота. Ты отдаешь детям палубы приказы, а если они отказываются, их ждет наказание. – Джорон открыл рот, но она не позволила ему ответить. – Я не сомневаюсь, ты не веришь, что обладаешь над ними властью, – ведь так и есть, ты ее никогда не имел – виноват ты сам и никто другой. Но то время осталось в прошлом, и теперь за тобой стою я. Пользуйся ею, Джорон Твайнер, и, если мне придется проломить пару голов, чтобы они поняли, что твоя слабость вовсе не означает, будто у меня нет силы, я это сделаю. Ты меня понял?

Он кивнул.

– Почему? – И вновь он задал короткий вопрос, словно вода вытекла из его рта, как из прохуdivшегося днища корабля.

Да, он слаб, и она правильно все поняла.

– Потому что ты владеешь числами, – ответила Миас.

– Как и другие. – Его переполняли эмоции, и он выпалил эти слова, от раздражения забыв о смущении.

Кто она такая, чтобы так к нему относиться? И кто он, чтобы это терпеть? По ее губам снова промелькнула почти улыбка. Миас встала, обошла стол и остановилась перед ним. Он возвышался над ней, но она чувствовала себя куда комфортнее в своей коже, чем он когда бы то ни было в своей – яростная хищница перед жертвой.

– Команда выбрала тебя в качестве супруга корабля, Джорон Твайнер, не только из-за того, что они считают тебя слабым, – перед тобой стоит трудная задача, и пройдет время, прежде чем ты найдешь собственный путь – но еще и потому, что ты никого из них не выделял, и ни одна группа не могла получить преимущество. Я не раз видела, как принимались подобные решения.

Ее тон был почти веселым, и Джорон, пусть и немного, расслабился. Но уже в следующее мгновение Миас словно вспомнила, кто она и где находится, и ее настроение резко изменилось. Миас взяла со стола шляпу и сделала шаг к Джорону.

– Они тебя не уважают, но никто тобой не владеет, и ты никому из них ничего не должен. Они играли с тобой, как с рыбой на крючке, Джорон Твайнер, но я сделала тебя хранителем палубы, так что теперь ты должен *мне*, ты меня слышишь? – Она подняла шляпу и надела ему на голову. – Ты должен мне, а не им. Я сохранила тебе жизнь, и теперь ты мой должник. Ты принадлежишь Удачливой Миас и научишься управлять кораблем и теми, кто находится на его борту, или однажды ночью они тебя вздернут, твой приговор будет приведен в исполнение, и тебя получит Морская Старуха. Но сейчас я владею тобой, ты слышишь? – Он кивнул. – Я владею тобой. Повтори.

Он не хотел, но у него не оставалось выхода.

– Ты мной владеешь.

Она внимательно на него посмотрела, потом заглянула в глаза, словно что-то искала.

– Я надеялась, что в тебе еще осталось немного гордости, возможно, я ошиблась – или нет. А теперь посмотри на числа на полу. Как мне кажется, курсер знает свое дело, но я бы хотела еще раз все проверить.

Она повернулась, села за стол, вытащила из кармана маленькую книгу и стала перелистывать страницы, внимательно разглядывая каждую, словно там находились самые главные тайны мира. Возможно, так и было.

Джорону стало интересно, что они собой представляют.

Проверив числа, он поднялся на палубу, когда Барли уже возвращалась на корабль. Она сидела с остальной командой, и им пришлось изрядно поработать веслами – крылья вяло свисали с хребта, а их собственная лодка тащилась позади.

– Отправляйтесь вперед, – крикнул он двум детям палубы и продолжал голосом Миас: – Ты и ты, заберитесь на клюв, привяжите лодки, а потом позовите еще людей, чтобы они помогли вам поднять весла с обеих лодок.

Они презрительно улыбнулись ему в лицо и отвернулись, но сделали, как он сказал, и на мгновение Джорон почувствовал себя настоящим офицером настоящего – корабля. Чуть в стороне на палубе стояла Квелл и смотрела на него. Пирамида крылоболтов упала и рассыпалась по палубе, ближайшая оказалась у его ног, и он едва не опустился на колени, чтобы их собрать и снова сложить, как учил отец. Но он не мог этого сделать, потому что офицеры такой работой не занимаются. Оглядевшись по сторонам, он обнаружил, что рядом никого нет, кроме Квелл, которая злобно на него смотрела. Он отвернулся и уже начал нагибаться, когда на палубе появилась Удачливая Миас, она сразу направилась на корму, даже не удостоив его взглядом, а он застыл в промежуточном положении, не успев до конца опуститься на колени. Однако он не сомневался, что Миас все заметила.

6. Вперед, только вперед

Нос корабля был всегда устремлен в будущее. Изогнутые кости позвоночника, идущие вдоль поручней и над ребрами, указывали вперед. Под поручнями череп давно умершего аракисиана с глазами, наполненными зеленым морским стеклом и костеклеем, невидяще смотрел вперед. Клюв, окованный металлом, предназначался для того, чтобы таранить другие корабли и рассекать волны, пробивать путь в брызгах и пене, указывая курс корабля.

Сегодня он практически не шевелился. Лишь водоросли лениво раскачивались вокруг клюва «Дитя приливов», мимо проносились рыбы, кожа которых искрилась светом, они выпрыгивали из укрытий в растениях и исчезали на глубине, окутанные сиянием мерцающих облаков, когда шумные женщины и мужчины тащили веревки вдоль тазовых костей к носу и обратно к флюк-лодкам – старой и новой.

Джорон думал, что буксировка корабля из бухты не самая сложная операция, но оказалось, что это не так. Голоса стали громче, никто не понимал, что от них требуется, а когда Джорон вмешался, он увидел ухмылки на лицах тех, кто слушал, и тех, кто его игнорировал. И хотя шума и суеты у клюва «Дитя приливов» было много, дело вперед не продвигалось, и неодобрение Миас, стоявшей на корме, накатывало на Джорона, точно грозовые тучи на краю мира.

К тому моменту, когда давление ее взгляда, устремленного ему в спину, стало таким невыносимым, что ему уже казалось, будто вот сейчас над ним разразится буря, дети палубы наконец справились с работой, неряшливо, неаккуратно и совсем не по-флотски, однако флюк-лодки были привязаны к «Дитя приливов», а женщины и мужчины устремились в них по веревкам, точно насекомые, возвращающиеся в гнездо.

Джорона удивила их небрежная смелость, лишь немногие из команды, в том числе Джорон, умели плавать, а что для них означало падение в воду? Он услышал голос отца: *В воде тебя ждет только смерть, мальчик. Можешь в этом не сомневаться. Если ты не задохнешься и не утонешь, тебя встретят зубы, жало или щупальца обитателей глубин, существ, которые не терпят посягательств на свои владения, потому что ненавидят тех, кто приходит с суши, так же сильно, как друг друга. Нет ничего более жестокого, чем море, сын.*

И пока женщины и мужчины работали вокруг Джорона, он пытался найти правильный голос, чтобы отдавать приказы, но у него возникло ощущение, будто он тонет. *Это мне не по силам.* Несколько мгновений он раздумывал над тем, чтобы сделать всего три или четыре шага в сторону, и злобное море поглотит его; приговор будет приведен в исполнение, и Морская Старуха останется довольна.

Однако это чувство быстро прошло.

В нем такого просто не было: он не мог забрать собственную жизнь.

Джорон появился на свет и прожил всю жизнь на Ста островах, а люди там рождаются не для того, чтобы отдать ее обратно, ведь она так трудна на скалах и песке. Тебя растили, чтобы ты смотрел на мир сквозь вуаль мести и гнева, упрямого и темного, заставлявшего продолжать войну с Суровыми островами вот уже много поколений – столько кораблей утрачено, столько душ потеряно, территория захвачена и снова отдана врагу, а причины войны и число лет, которые она бушует, уже давно забыты – остались лишь истории, что рассказывают детям на ночь: *Они забирают наших здоровых людей, убивают ради удовольствия, они едят наших детей, в особенности, таких, как ты, не желающих спать.* Из-за спины до него донесся голос Миас:

– Гребите! Гребите сильнее, или я отрежу палец каждому из вас! – Суровый голос, небрежная и жестокая угроза.

Нет, он не отправится в море. Его гнев имел мишень, хотя он не знал, будет ли у него шанс ее поразить.

– Гребите! – выкрикнул он, добавляя свой голос к голосу Миас. – Гребите изо всех сил, или до вас доберется Морская Старуха.

Но женщины и мужчины на флюк-лодках не гребли, *пока* не гребли, хотя ему хотелось верить, что они спешат поскорее занять места на скамьях и готовятся заняться делом.

Он надеялся, что они ничего не станут ему доказывать; и знал, что станут.

Когда весла заработали, они двигались вразнобой, некоторые едва касались воды, и он заметил мужчину – *как его зовут?* Джорон не знал, – который упал назад, когда его весло не встретило ожидаемого сопротивления. Барли отвесила ему оплеуху мощной рукой, она шла вдоль своей маленькой команды и кричала на них так, что Джорон почувствовал зависть. Она знала всех и каждого. Конечно, как могло быть иначе; она выбрала их из своей банды, хранившей ей верность.

Миас появилась рядом с ним и закричала, обращаясь к гребцам второй лодки:

– Посмотрите, глупцы! Смотрите на них! Неужели у вас каменный запор? – Она указала за поручни. – Неужели вы позволите команде Барли вас опередить?

Мужчина в меньшей лодке – одноглазый, без двух пальцев на руке – встал и начал подгонять остальных гребцов, заставляя их резкими лающими криками сохранять ритм.

– Как его зовут? – спросила Миас.

– Я не знаю, – ответил Джорон.

– А тебе следовало бы. – Она пошла прочь. – Вы двое, – продолжала Миас, обращаясь к двум женщинам, присевшим на корточки на палубе. – Я не потерплю бездельников на своем корабле. Поднимите стоп-камни. Скоро мы выведем наш корабль в открытое море, но вряд ли сумеем это сделать, если камень будет оставаться на дне. Так что поднимайте их и спойте мне песню!

Женщины и мужчины бросились к центральной лебедке, огромному колесу, сделанному из отрезанного позвонка. Сначала он не двигался, как если бы «Дитя приливов» сопротивлялся. Как если бы чувствовал себя здесь комфортно, подальше от угроз войны. *Быть может, я слишком долго держал тут корабль,* – подумал Джорон, – *если водоросли на днище пригвоздили гигантский круглый камень к морскому дну.*

Женщины и мужчины отчаянно напрягались, и в этот момент зазвучала песня:

Принесите малышку в мир.
Толкай, хей, толкай, хей!
Принесите ее в крови.
Толкай, хей, толкай, хей!
Принесите малышку в мир.
Толкай, хей, толкай, хей!
Будь девой дарна, будь достойной.
Толкай, хей, толкай, хей!

И по мере того как все больше членов команды толкало колесо, вплетая свои голоса в песню, оно пришло в движение. Джорон чувствовал знакомую мелодию у себя внутри, вспомнил прежнюю радость, которую она дарила, но сейчас не мог петь, ведь он был офицером, а кроме того, лишился этого дара после гибели отца. Кость трещала под слоем сланца на палубе, Джорон чувствовал, что корабль слегка кренится в сторону берега, когда вес стоп-камня начал перемещаться с морского дна наверх. Кость жаловалась, стонала и содрогалась, а потом Джорон ощутил то же, что и все, кто находился на борту, и понял это, потому что воздух наполнился возбуждением. Каким-то совершенно непредсказуемым образом создалось впечатление, что корабль у него под ногами пробудился от подобного смерти сна, словно вдруг стал живым.

– Камень поднимается! – раздался крик с кормы корабля.

Дитя палубы направил огромный камень в специальное место у борта и закрепил его там. А потом ноги ударили по палубе – женщины и мужчины побежали к огромным центральным дугам позвоночника, стали подниматься вверх по веревкам и лестницам, по балкам, к крыльям корабля, готовым принять ветер. Готовым к полету по морю.

Гребцы у клюва старались изо всех сил, корабль слегка подрагивал, но оставался на месте. Казалось, люди сражаются с мощным течением, а их мышцы и пот бросают вызов тяжелым мертвым костям «Дитя приливов». Затем вода вздохнула у бортов, корабль сдвинулся, подавшись напору весел, и раздался оглушительный крик. Даже Джорон, мрачный и обиженный Джорон, ощутил удовлетворение от маленькой победы разума и мышц над пассивной материей и жестокой водой. На корме Миас взялась за огромное весло, руль «Дитя приливов», оставшийся на носу Джорон принялся криками указывать гребцам направление, и огромный корабль двинулся к клетке с бакеном, колокол которого скорбно звонил у входа в бухту.

Клетка представляла собой набор из нескольких изогнутых металлических арок, установленных вокруг плавучей платформы для защиты находившегося внутри колокола, и на нем Джорон уже видел силуэт последнего члена команды «Дитя приливов», говорящего-с-ветром. Джорон содрогнулся. Всякий, кто сохранял здравый смысл, не хотел иметь с ветрогоном ничего общего. Но с другой стороны, они в нем нуждались. Существо могло, до некоторой степени, контролировать то, что являлось самым важным для любого дитя палубы – ветер.

Он сидел на бакене, и его худое, сгорбленное тело чуждого существа скрывали рваные одеяния, спадавшие почти до самой воды. Его одежда, несмотря на свою длину, была слишком тонкой, чтобы приглушить звон раскачивавшегося на волнах колокола – здесь морские течения сходились со стоячими водами бухты. Ветрогон скорчился и, не шевелясь, застыл на месте, но именно его противоестественная неподвижность приковывала взгляд, и не обратить на него внимания не было никакой возможности.

Бакен раскачивался на волнах, но говорящий-с-ветром напоминал скалу и, казалось, парил над своим насестом. И чем ближе «Дитя приливов» к нему подходил, тем лучше удавалось его разглядеть: грязь на когда-то белом одеянии, яркие цвета маски из листьев, закрывавшей впадины, где прежде были глаза, хищный изгиб острого клюва. Одежды скрывали не имевшее ничего общего с человеческим тело – ноги с тремя пальцами и острыми когтями, сморщенная розовая кожа, обтягивавшая хрупкие кости, из которой торчали черенки сломанных перьев. Джорон не знал, почему ветрогоны теряют оперение, но догадывался, что причина в их жизни в грязи. На любом корабле говорящий-с-ветром становился источником вшей и прочих кусачих существ, о чем было известно всем детям палубы.

Голова необычного существа пошевелилась, получилось короткое и резкое движение, за которым не мог уследить человеческий глаз. Только что она скрывалась во впадине между плечами, и вот уже ветрогон смотрит на корабль, на Джорона, как если бы его размышления привлекли к нему внимание говорящего-с-ветром. Каждый гребок весла приближал корабль к бакену, но невидимый взгляд ни разу не дрогнул. Нарисованные на маске глаза, представлявшие Скирит Буревестника, бога всего сущего, не оставляли его, и Джорон чувствовал их, как укор: *Посадили меня сюда. Оставили меня на этой штуке. Не обеспечили ни малейших удобств.*

Это было правдой, хотя Джорон говорил себе, что поступил так, чтобы защитить ветрогона, ведь если бы он оставил странное существо на корабле, команда стала бы его мучить.

Нет, он убрал ветрогона с корабля по тем же причинам, по которым совершал многие поступки, – из-за страха. Команда принимала говорящего-с-ветром как должное и полностью его игнорировала, словно тот не существовал. Но Джорон не принадлежал к Флоту и видел ветрогонов только издали, в загонах глинодворов или когда их вели к кораблям. На судне размеров «Дитя приливов» обычно находилось более одного мага ветра, и Джорон возблагод-

рил Морскую Старуху за небольшое милосердие. От мысли о том, что ему пришлось бы выслушивать жуткий и странным образом красивый хор их беседы на высоком свистящем языке, у него начинала зудеть кожа.

«Дитя приливов» сбросил скорость, не дожидаясь его приказа, – гребцы знали, куда они направляются. Огромный корабль остановился на расстоянии вытянутой руки от бакена, ветрогон опустил голову на гибкой шее и повернул ее на сто восемьдесят градусов, дикий образ ни на мгновение не сводя с Джорона нарисованных глаз. Затем, повиснув вниз головой, разинул клюв и заверещал, продемонстрировав острые зубы и язык, говорившие о его принадлежности к хищникам. Выказав свое неудовольствие, говорящий-с-ветром прыгнул с бакена – и вновь движение было совершенно неожиданным – и ударился о борт корабля. Его одеяния распахнулись, когти на локтях голых крыльев сжали кость, следом за ними клюв и мощные задние ноги нашли опору на хребте. Оттуда ветрогон сумел взобраться по борту корабля, двигаясь необычными, нечеловеческими рывками, пока не нашел люк, который вел на нижнюю палубу, и проскользнул в нору, ставшую для него домом.

– Как его называют? – спросила Миас.

– Что? – Джорон повернулся и обнаружил, что у него за спиной стоит Миас.

Она двигалась по кораблю так, словно он стал частью нее, как будто «Дитя приливов» сговорился с новой супругой корабля, и теперь ее перемещения стали для Джорона тайной.

– Как называют говорящего-с-ветром? – снова спросила Миас. – Команды всегда дают им имя, если они сами себя не называют.

– У него нет имени, супруга корабля, – ответил он. – Ему не дали имени. Он никому не нравится.

– Я никогда не встречала команду, которой нравился бы ветрогон, – заметила она. – Зверь Скирит пугает любых разумных женщин и мужчин, но для того, чтобы контролировать его, необходимо дать ему имя.

– Я никогда его не контролировал, – ответил Джорон.

Он произнес эти слова и почувствовал себя глупцом, и выражение лица Миас показало, что она думает так же.

– Никогда, почему? – спросила Миас.

– Он не придет и не поможет, – ответил он. – И не станет со мной говорить, супруга корабля.

Она кивнула, как если бы получила ответ.

– Я думала, что черный корабль не должен иметь говорящего-с-ветром, но если он отказывается помогать, это многое объясняет. В любом случае со мной он говорить будет, – сказала Миас, наклонилась над поручнями и закричала, обращаясь к детям палубы на флюк-лодках: – Барли, выведи нас из бухты и позови меня, когда у нас будет достаточно ветра, чтобы распустить крылья.

– Будет сделано, супруга корабля, – крикнула в ответ Барли.

Миас повернулась к Джорону.

– Ты пойдешь со мной, – сказала она. – Мы объясним ветрогону его обязанности.

– Он не станет с тобой говорить. Он не... – Джорона вдруг охватила странная паника от мысли, что ему придется подойти к говорящему-с-ветром. Он был противоестественным существом. Важным, да. Нужным, да, но Джорон не чувствовал себя рядом с ним спокойно. – Он ни с кем не будет говорить.

Миас отвернулась, и Джорон почувствовал, как его вовлекает в ее фарватер, как если бы она была севером, а он стрелкой компаса.

– Он *будет* со мной говорить, хранитель палубы Твайнер, со мной он будет говорить.

Джорону ничего не оставалось, как последовать за ней на нижнюю палубу.

Большая кабина находилась прямо под крестцом корабля и в четыре раза превосходила размером любую другую. Ближе к морю располагалась каюта хранителя палубы, которой еще только предстояло стать его, следом за ней – каюта курсера. На обращенной к земле стороне размещался смотрящий палубы, хотя на корабле не было человека, занимавшего третью по старшинству должность, еще дальше – гнездо говорящего-с-ветром. Туда редко кто-то приходил, потому что большинство детей палубы так же, как Джорон, страдали от суеверий и боялись ветрогонов.

Они подчинялись множеству правил, как, впрочем, и те, кому приходилось с ними общаться: никогда не снимать с них маску, никогда не объявлять ветрогона свободным и никогда не убивать под страхом собственной смерти – если только корабль не начнет гибнуть. Говорящие-с-ветром являлись существами Матери, рожденными из последнего яйца Скирита Буревестника, создавшего все сущее, это делало их драгоценными и требовало защищать. О том факте, что ветрогоны умеют контролировать ветры, говорили крайне редко; поэтому все, что с ними делали, объясняли заботой об их безопасности во имя Скирита и Матери.

– Ветрогон, – сказала Миас, распахнув дверь до того, как закончила произносить это слово. – Я вхожу ради твоей безопасности и чтобы почтить Мать и Скирита Буревестника, который... – Грохот разбившегося стекла заставил Миас отступить на шаг.

– Вон! Вон! Не твое место! Не твое! – Дверь захлопнулась, и пораженная Миас осталась стоять, как если бы не понимала, что кто-то способен бросить вызов супруге корабля на его палубе.

За дверью ветрогон передвигал что-то тяжелое, какие-то предметы с громким стуком упали на палубу, затем раздались долгие пронзительные крики и треск, после чего установилась тишина.

– Говорящие-с-ветром так себя не ведут, – крикнула через дверь Миас.

Ее опущенные руки сжимались в кулаки, словно она вцепилась в невидимые весла.

– А этот – ведет, – заявил Джорон.

– И ты ему позволяешь? – Миас положила ладонь на ручку двери. – Он здесь для того, чтобы выполнять волю Матери и Скирита – через супругу корабля. – Она надавила на дверь, но та не сдвинулась с места.

А затем с другой стороны в нее ударило еще что-то тяжелое. Вокруг начала собираться команда, привлеченная шумом.

– Уходите прочь! Уходите прочь! – донесся крик изнутри.

– Он не выйдет, – сказал Джорон. – Он никогда не выходит.

Миас бросила на него такой взгляд, от которого завяла бы виноградная лоза, затем повернулась к ближайшему дитя палубы.

– Принеси топоры, – сказала она. – Мы ломаем дверь, если потребуется. – Женщина стояла и молча смотрела на Миас. – Принеси топоры, или ты познаешь укус веревки! – закричала супруга корабля, и женщина побежала выполнять приказ, скрывшись в коридоре, ведущем в арсенал.

– Они не станут ломать дверь, – сказал Джорон, и ему показалось, что он видит слова, которые она собралась произнести – *может быть, для тебя не станут*, – они уже сформировались у нее в сознании, но в последний момент Миас поняла, что он прав.

Конечно, они не будут ломать дверь. Дети палубы самые суеверные среди всех женщин и мужчин; они не станут вторгаться в гнездо ветрогона. Пока Миас размышляла, едва заметно шевеля губами, вернулась женщина с топором, но даже не попыталась сделать движения в сторону двери каюты, лишь протянула топор Миас, пока супруга корабля прикидывала, какой урон она может понести в данной ситуации. Что хуже? Позволить говорящему-с-ветром бросить ей вызов или пойти до конца и разбить топором дверь в гнездо? Супруга корабля взяла

топор, взвесила его в руке, остановилась, оценивая кость двери, и бросила топор на выкрашенный черной краской пол.

– Пусть получит свое пространство. Нам придется рассчитывать на то, что бури благословят нас хорошими ветрами, а когда мы вернемся в Бернхьюм, возможно, нам удастся отыскать ветрогона, способного лучше понимать, чего от него хотят Мать и Буревестник. А этого пусть отправят туда, где живут его соплеменники, от которых нет никакой пользы. – Миас повысила голос: – Ты меня слышишь, животное? – Она постучала в дверь. – Ты слышал? – Она повернулась и зашагала к лестнице, ведущей наверх к палубе и корме корабля, где она могла дать волю ярости.

Джорон обнаружил, что он безмолвно благодарит говорящего-с-ветром, который показал ему, что Миас Джилбрин не является неприступной крепостью, и, значит, ее можно победить. Он постарался спрятать подальше свое новое знание, как дети прячут у сердца перо надежды, когда их родители выходят в море.

Он был кровавым кораблем,
И гнались за ним пятьдесят клювозмей.
Его команда не выстояла,
И гнались за ним пятьдесят клювозмей.
Морская Старуха получила достойный приз,
И гнались за ним пятьдесят клювозмей.
Потерянные женщины и мужчины на борту.

Эй, на борту! Эй, на борту!
Луки на берег и море.
Богатство, хей! На борту!
Эй, на борту! Эй, на борту!
Луки на берег и море.
И гнались за ним все клювозмеи.

Традиционная круговая песнь ветра

7. Кости старых богов

Когда они вышли из бухты, Восточный Шторм одарил их шепотом, и команда «Дитя приливов» взялась за дело. Женщины и мужчины облепили веревочные лестницы на хребте корабля и распустили его крылья; другие сложили и закрепили весла флюк-лодок, которые потом подняли и привязали в центре палубы. Вода смеялась у бортов корабля и взвивалась над гладкими костями белой полосой пены и пузырей, медленно расступавшихся за кормой. Джорона должно было бы позабавить, что такая слабая команда побитых жизнью и сломленных людей смогла заставить корабль лететь по морю, но этого не случилось. Он видел, как они делали такие вещи прежде, видел, когда только принял командование над ними, если так можно назвать его место среди них.

То были жители Разбросанного архипелага – Ста или Суровых островов, их обитатели летали на кораблях через моря, и для них это было то же самое, что дышать, ходить или сражаться.

И все же...

И все же чувствовал ли он нечто другое? Изменилось ли что-то? Была ли спина Барли, державшей рулевое весло, более прямой, чем обычно? Смотрел ли Канвей на людей, которых он собрал вокруг себя, с гордостью и меньшей похотью, чем всегда? Наблюдала ли Квелл за командой с большей подозрительностью и отвращением, чем раньше? И появилась ли новая жестокость в обращенных на него глазах с тех пор, как Миас взошла на борт?

Или дело в том, что сегодня, когда он смотрел на команду, между ними не стоял алкоголь, и отсутствовало сбивавшее с ног опьянение и тошнотворная тяжесть похмелья. При мысли о том, как густая выпивка скользит в горло, у Джорона пересохло во рту, а в животе стало мокро и шумно, как в море после убийства небесной рыбы, когда возникает ощущение, будто вода хочет создать барьер между собой и существами, которые отняли одну из самых прекрасных жизней.

Дыхание Старухи, как же он хотел выпить!

Благословение Девы, как он этого не хотел.

Джорон почувствовал, что ему нужно пройти по палубе, но боялся взглядов команды, когда окажется среди них. Боялся, что увидит в глазах совсем не то, что там было, когда они смотрели на нее. Не уважение, пока нет, и не страх, его также еще не появилось. Но они нашли в ней достоинства, которых, как они знали, в нем нет.

Поэтому он оставался на прежнем месте, рядом с передним дуговым луком, и делал вид, что изучает оружие.

На главной палубе корабля «Дитя приливов» стояли четыре больших дуговых лука, направленных в сторону моря, и четыре – на берег, а также десять малых луков у бортов на нижней палубе. Команда каждого дуголука состояла из четырех человек, включая лукоселла, в обязанности которого входило направлять их и отдавать приказы, но на самом деле хватило бы и троих, чтобы сделать выстрел из больших или малых луков. Один спускал тетиву, двое вращали лебедку, натягивавшую веревку между широко разведенными костяными дугами, и закладывали огромные стрелы, способные пробивать борта корабля так же легко, как человеческое тело, или каменные бола, предназначенные для разрезания такелажа, а также самое страшное оружие дуголуков, крылоболты: гигантские обработанные камни, толстые в середине и сужавшиеся к краям так, что получались крылья.

Джорон слышал истории о том, что умелый супруг корабля вместе с говорящим-с-ветром способны держать в воздухе такой снаряд на расстояниях, превышающих те, что человек может пробежать за день, хотя в них не верил. Но он знал, какие разрушения может причинить удачно направленный крылоболт, в особенности если его центральная часть наполнена горю-

чей слюной старухи. В детстве ему снились кошмары о том, как он сгорает заживо, оказавшись запертым в трюме корабля, который охвачен жарким пламенем костяного огня, и только сильные руки отца могли прогнать тот ужас. *Рука, поднимающаяся из кровавого моря.*

Хорошая команда могла сделать два выстрела из дуголука меньше чем за минуту – натяжение тетивы, зарядка, прицел, пуск, – но Джорон понятия не имел, как быстро способна стрелять его команда. Хороший супруг корабля проводит тренировки с луками не менее одного раза в неделю, но Джорон так и не набрался смелости приказать команде привести луки в боевое состояние. Он не решался приступить к учениям, опасаясь, что никто не станет выполнять его требования. Поэтому и не знал, сумеют ли они так же хорошо стрелять, как выводить корабль из бухты, однако подозревал, что команда «Дитя приливов» не обладает высоким мастерством. Джорон не представлял, чего ждет от них Миас, но, даже если она рассчитывала лишь на самое малое, он не сомневался, что она будет разочарована.

Он понимал, что должен все ей рассказать. Джорон не знал, куда они направляются, но, если судить по срочности, вероятно, их ожидало сражение. Миас стояла на корме и смотрела вперед, мимо позвонков, мимо огромных развевавшихся крыльев корабля, которые захватывали воздух и тащили «Дитя приливов» по воде, ее взгляд скользил мимо острого клюва корабля, вдаль, за острова вокруг них.

Но какую цель, недоступную ему, видела Миас?

Она заговорила, произнесла какие-то слова, которые он не услышал – их унес ветер, – и Барли у нее за спиной склонилась над рулевым веслом. Над Джороном потрескивала ткань крыльев, по мере того как в них собирался шепот Восточного Шторма. И неожиданно он ощутил острый укол в груди. Зависть?

Нет.

Раздражение из-за того, что Барли находилась там, где должен был стоять он, на корме, и синий цвет у нее на голове говорил о власти, хотя теперь однохвостую шляпу носил он. Велела ли ей Миас сохранить синие цвета, чтобы он понимал, насколько шатким является его положение? Или краска просто еще не успела сойти с ее кожи и волос?

– Ключозмеи, супруга корабля! – послышался крик с носа – мужской голос, – но Джорон не видел, кто поднял тревогу.

Пятеро или шестеро членов команды стали смотреть вперед, наклонившись над поручнями.

Он не знал их имен.

– Хорошо, – крикнула в ответ Миас. Бриз заметно усилился, попытался подхватить ее голос и унести прочь, но вел безнадёжное сражение. Хриплый крик умело побеждал худшие из Северных Штормов. – Значит, мы уже набрали неплохую скорость. Если бы я думала, что хранитель палубы Твайнер сможет найти камень, я бы попросила его бросить и проверить, как быстро мы движемся. – По кораблю прокатился смех, и Джорон почувствовал, что краснеет, как в ночь, когда он лишился невинности. – Твайнер, посчитай ключозмей. Дай мне знать, насколько опасным они считают мой корабль.

Джорон почувствовал одобрение команды – Миас показала, что уважает правила Морской Старухи, – и направился на нос. Стоявшие у поручней дети палубы даже не подумали подвинуться, и Джорон, зная, что Миас смотрит, схватил самого щуплого парня и отбросил в сторону, чтобы встать на его место.

Головокружение.

Им овладело ошеломляющее ощущение: казалось, будто корабль и море застыли на месте, и только он мчится вперед. Паника вцепилась в него острыми когтями, его потянуло в море, и он подумал, что, если повезет, с ним покончит клюв корабля. А если нет – он станет обедом змей внизу.

– Их число, хранитель палубы Твайнер!

Может быть, она специально послала его вперед? Он ждал, что вот сейчас его подхватят жесткие руки, шишковатые, покрытые шрамами, оставшимися после многих лет работы с веревками, подбросят вверх и швырнут вперед. Однако этого не произошло, а поручни оставались надежными в слишком сильной хватке, так что костяшки его пальцев побелели на фоне темной кожи.

– Мы насчитали пять, хранпал, – послышался голос совсем юной девушки с ужасными шрамами – половина лица разбита кем-то или чем-то, кожа туго натянута от старых ожогов, а вокруг одного из глаз провисла, когда она попыталась ему улыбнуться.

– Просто дело в том, что ты не умеешь считать дальше пяти, Фарис, – сказала другое дитя палубы.

Послышался смех, но Джорон изо всех сил вцепился в неожиданное проявление дружелюбия, как в дополнительный поручень.

– Закрой свой силок, Хилан, – сказала она.

– Значит, пять? – вмешался Джорон. – Давайте сосчитаем их еще раз, потому что иногда полезно проверять числа.

Так говорил его отец. И, когда Фарис и пожилой мужчина, стоявший за ней, кивнули, понял, что они одобрили его предложение.

– Эй, – сказал старик Хилан, сморщенный и покрытыми шрамами, как Фарис, но от времени, а не насилия. Одно ухо у него отсутствовало, что ставило на нем метку изгоя-дарнов – Дарующих Жизнь, мужчины со слабой родословной, которому никогда не занять высокое положение на Ста островах. – Объятия Морской Старухи открыты для них, так что не нужно проверять каждый узел и число, и все знают, что это правда. – И вновь послышался одобрителный шум, но стоявшая у них за спинами женщина из банды Квелл перехватила взгляд Джорона и сплюнула за борт.

Джорон отвернулся от нее.

В море было полно уродливых существ, но клювозмеи считались самыми отвратительными. Они выглядели как внутренности птицы кивелли, когда их вырезали, чтобы сделать колбасу: розовые, блестящие и покрытые кровью. Клювозмеи всплыли на поверхность в волнах пены, которую взбил костяной корабль, крупные, как взрослая женщина или мужчина, длиной от десяти до пятнадцати шагов, не самые большие из тех, что доводилось видеть Джорону, но и не маленькие. Их тела были тупыми на концах, подобно пальцам, глаза, нос или другие органы чувств отсутствовали, но Старуха знала, что у них есть зубы.

Когда клювозмеи атаковали, передний конец отодвигался назад, обнажая не просто пасть, а множество рядов невероятно острых зубов, блестящих в темной глотке, они могли прокусить насквозь плоть и кость, и делали это с жуткими звуками. Переливчатые гребешки спиралью шли вокруг тошнотворной бледно-розовой плоти, толкали их вперед в извивающемся, мерцающем танце, рассекавшем воду и волны, к кораблю. И они обвивались друг вокруг друга, словно были любовниками.

– Пять змеев, супруга корабля, – прокричал Джорон. – Мы обнаружили пять змеев у клюва корабля.

– Пять, – сказала Миас, даже не пытаясь скрыть разочарование, хотя их было ровно на пять больше, чем когда Джорон доставил «Дитя приливов» в залив Кейшанблад. – Хей, всего пять? Ну, змеев привлекает кровь, и можно не сомневаться, что их будет гораздо больше, когда мы отправимся обратно в Бернсхьюм. – Она кивнула, но только себе, как если бы заговорила вслух, не рассчитывая, что ее услышит команда.

Джорон не раз слышал, как дети палубы радостно приветствовали известие о предстоящей схватке, словно только и мечтали о том, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности во имя Ста островов, но на судне «Дитя приливов» ее слова были встречены мрачным молчанием.

Миас отвернулась от них. Джорону показалось, что он каким-то образом ее разочаровал, и он рассердился на себя за то, что где-то в глубине души его это задело.

Позднее, когда Глаз Скирит начал опускаться за дальние острова, а «Дитя приливов» продолжил свой путь по сереющему морю, Джорон направился к каюте хранителя палубы – теперь его собственной. Там стояла кровать, настолько узкая, что он едва в ней помещался, хотя не был крупным мужчиной, но Джорон вырос в рыбацкой лодке, где спал в гамаке, и привык к тому, что гамак двигался вместе с кораблем, давая ему возможность общаться с морем.

В постели его преследовали кошмары о камнях и земле, что содрогалась под ним, покрывалась трещинами, разрушалась и заглатывала его, тащила вниз, чтобы похоронить в своей темной утробе, в то время как в гамаке ему снилось, как он парит над морем, точно птица. В результате в каюте, заполненной вещами Барли, он повесил свой гамак и попытался заснуть.

Джорона разбудил ночной колокол, оповестивший о начале его вахты. Он вышел из скрипнувшей двери каюты, наклонив голову, чтобы не задеть о верхние кости. Тусклый свет рассеивал мглу, масло неборыбы горело медленно и кротко внутри черепов кивелли. Большая часть команды спала, и воздух наполнял горький запах пота и грязных тел. Гамаки раскачивались, и Джорон двигался между ними, стараясь никого не разбудить, чтобы не навлечь на себя их гнев.

Он нигде не увидел Миас, да и палуба оказалась почти пустой. У рулевого весла кто-то стоял, но Джорон его не узнал, еще несколько человек лежали на палубе, точно кости во время гадания. Он ничего не стал им говорить, лишь занял свое место на корме корабля, чувствуя, как сланец холодит босые ноги. Ветер взъерошил его волосы и заставил тихонько выругаться. Джорон сообразил, что оставил шляпу в каюте, и попытался решить: что будет хуже, остаться здесь или вернуться в каюту, снова пройдя по темному кораблю. Он и сам не знал ответа, а потому продолжал стоять неподвижно – со стороны казалось, будто он спокоен и уверен в себе, хотя на самом деле до этого было очень далеко. Густые пряди его вьющихся волос продолжал трепать ветер, а капельки пота на голове приносили некоторое облегчение от ночной жары.

На фоне черной ночи высоко сияли Кости Скирит, последнее благословение огромной птицы, создавшей для их жизни страну, когда ей потребовалось место, чтобы откладывать яйца. И, хотя копейщик Хассит убил ее копьем Майлверд, сделанным ситерами, она в качестве последнего дара отдала им свои кости, чтобы они озаряли ночь. Даже после того как ее Слепой Глаз закрылся и исчез с ночного неба, кости остались, крошечные точки ярко-белого света, разбросанные, точно яркие пятна краски-дара на двери.

Кости Скирит меняются вместе с временами года, поочередно принимая все тринадцать форм, но Дар Скирит, три ярчайшие звезды на кончике ее клюва, всегда показывают в сторону Северного Шторма. И, хотя остальные кости двигаются вместе с приходом холодных дней, Дар всегда показывает детям палубы путь, и Джорон вдруг понял, что беседует со Скирит. Люди редко молились Птице Бурь – возможно, чувствуя вину за то, что совершил Хассит. Не исключено. Они направляли свои молитвы более понятным богиням, тем, что казались реальными, присутствовали в их жизни, населяли окружающий мир: Морской Старухе, холодной и жестокой; Деве, капризной и полной любопытства; и Матери, которая приветствовала всех, кто нуждался в помощи, но была строга и неумолима к тем, кто ее ослушался. В эту ночь, когда они тихо скользили по спокойному океану, окруженные шепотом Восточного Шторма, Джорон вдруг понял, что безмолвно спрашивает Скирит: «Покажи мне путь, Птица Бурь, покажи мне путь».

Но Скирит давно была мертва, и он не получил ответа.

– Где твоя шляпа? – спросила Миас, неожиданно появившись из пустоты, точно Морская Старуха, пришедшая забрать то, что ей причитается.

– В каюте, ночь выдалась тихой, и я...

– Мне плевать на то, какая выдалась ночь; ты надеваешь шляпу под солнцем и в дождь, в жару или холод. Она показывает, кто ты есть. Я позабочусь о твоей экипировке, вплоть до сапог, на Хоппити-лейн, когда мы вернемся в Бернсхьюм. Босой хранитель палубы, это неслыханно. – Он не ответил, но едва ли ей требовался ответ. – Хайме, – сказала она, и он почувствовал, как напрягся стоявший у рулевого весла мужчина, – поверни немного в сторону моря. Мы приближаемся к острову Франа, и, хотя там никто не живет, его окружают скрытые рифы.

– Куда мы направляемся, супруга корабля? – спросил Джорон.

Она посмотрела на него, и ее серое угловатое лицо показалось ему нездоровым в бледном свете Слепого Глаза Скирит, словно у существа теней. Только блеск глаз Миас говорил о яростной живой силе.

– На север, – ответила она. – Мы движемся на север, всегда на север, ну а про то, что мы там будем делать, я расскажу тебе вместе с другими на морране. А сейчас, Джорон Твайнер, отправляйся за своей шляпой.

8. Сбор в День Мужчин

Глаз Скирит едва успел подняться над горизонтом, и кровавое пятно всосалось в утренние тучи, когда Миас собрала команду перед крестцом «Дитя приливов». Это был День Мужчин, в который жители Архипелага по традиции отдыхают от работы, хотя обычно отдых заключается в приведении в порядок веревок и одежды, проверке повреждений корпуса и спинного хребта кораблей.

Джорон немного удивился, когда узнал, что наступил День Мужчин, – он давно перестал следить за течением цикла: День Девы, День Труда, День Моря, День Кленс, День Старухи, День Мужчин, и его смысл был для него утрачен. Он чувствовал, что простой вопрос: «Какой сегодня день?» станет признанием, что он совсем потерялся с тех пор, как ему вынесли приговор. До настоящего момента Джорону не приходило в голову, что отсутствие порядка повлияло на него и в остальном. Знание о том, какой сегодня день, привязывало его к морю немного больше, словно палуба под ногами стала чуть более надежной, как если бы кости «Дитя приливов» сделались более водонепроницаемыми, а его положение на карте жизни гораздо определеннее. Он знал, что будет сегодня, знал из каждой истории о флоте, слышанной им на коленях отца, – Миас будет читать закон дарнов.

В каждый День Мужчин, мальчик, супруг корабля читает команде закон дарнов, чтобы все знали свои обязанности. И ты будешь слушать и подчиняться, и однажды станешь рулевым или казначеем. Только представь себе! Мальчик, которого я вырастил, стоит у крестца корабля? Зоресвет танцует от радости над твоей головой, когда ты поешь и работаешь.

Джорон чувствовал руку отца на голове, как будто тот снова взъерошил его волосы.

Сильные пальцы.

Теплые руки.

На палубе собралась команда из семидесяти человек. Никто не спит, когда читают закон дарнов, даже корабельные насосы остаются без присмотра. Отсутствовали трое, двое лежали в каюте под нижней палубой, у них загноились раны после драки на борту, и там они могли умереть не на виду у всех, а также ветрогон, который все еще отказывался покинуть свою каюту. Все остальные стояли перед Миас. На самом деле, слишком маленькая команда для такого корабля; для него требовалось не менее ста пятидесяти человек, сто тридцать матросов и двадцать солдат. Ну, а для нормальной жизни на борту должно было находиться двести человек. Прежде Джорон никогда об этом не думал, ему даже не приходило в голову, каким жалким выглядел его корабль, и как мало общего он имел с настоящим флотом Ста островов. Возможно, он являлся таким супругом корабля, которого заслуживал корабль, но сейчас «Дитя приливов» получил Миас Джилбрин, Удачливую Миас, ведьму из пролива Килхьюм. Яростную, талантливую, знаменитую Удачливую Миас.

Что она сделала, чтобы это заслужить?

Да и любой из них? Если отбросить его самого, Джорон не знал.

А ему бы следовало.

– Встаньте на сланец, дети мои, – сказала она.

Все, кроме Джорона, принадлежали к флоту, и складывалось впечатление, что ритуал слов навсегда запечатлен у них в головах. Их реакция, поворот к крестцу и стоявшей там женщине был невольными и неотвратимыми. Никто не мог сопротивляться притяжению, даже те, кто обладали собственной силой, даже Барли, Квелл и Канвей. О, да, они смотрели на нее внимательными, полными недоверия глазами, возможно, Миас видела в его взгляде такие же сомнения и расчет, однако они ее слушали, как если бы ничего другого им не оставалось.

Она читала закон дарнов хриплым голосом, в конце каждой строки делала паузу, а потом выкрикивала:

– Нарушение данного правила наказуемо смертью.

После этих слов каждый мужчина и женщина торжественно кивали, хотя все они и так получили смертный приговор.

– Следует повиноваться тем, кого дарны поставили выше вас. Нарушение данного правила наказуемо смертью.

Никому это не казалось смешным.

– Следует оказывать истинную честь Деве, Матери и Старухе. Нарушение данного правила наказуемо смертью.

Никто не смеялся.

– На борту корабля женщина может лечь с женщиной, а мужчина с женщиной, но женщина не может лечь с женщиной и рискнуть появлением ребенка. Нарушение данного правила наказуемо смертью.

Смерть всегда была целью этой команды и корабля.

И только в самом конце голос Миас дрогнул. В конце закона дарнов последние слова неизменно оставались такими:

– Пусть Дева не устраивает своих фокусов, пусть Мать сделает так, чтобы мы держались вместе, а Старуха смотрит в сторону. Так говорит закон дарнов. Так говорим мы. – И команда повторила эти слова.

Но на борту «Дитя приливов» слова были изменены, чтобы они отражали их приговор, и, хотя Миас читала громко, ее голос зазвучал тише на втором пожелании:

– Пусть Дева не устраивает своих фокусов, и пусть Мать сделает так, чтобы мы держались вместе. – Неужели ему показалось, что на последней строке голос Миас дрогнул, что-то в нем почти сломалось, когда она произнесла уникальные слова для тех, кто был приговорен к черному кораблю? – И пусть Старуха примет нас и простит.

В самом деле?

Джорон был уверен, что не ошибся, пусть голос и дрогнул едва заметно. И, если он это уловил, значит, и остальные тоже. Впрочем, все мгновенно прошло, слабость отступила, и когда Миас читала последние слова: «Так гласит закон дарнов. Так что повторим это все вместе!»

Ее голос снова стал сильным и яростным, как прежде, и она пристально смотрела на них, когда они повторяли за ней слова закона. Затем она сошла с возвышения на корме и приказала первой страже отправиться на трапезу на нижнюю палубу, а второй занять их места у веревок и хребта на палубе.

– И приведите в порядок мой сланец! – крикнула Миас. – Я больше не желаю ходить по грязи. Барли, чего ты тут стоишь? – рывкнула она на великаншу. – Неужели не видишь, что рулевой уже почти спит? Займи ее место и веди корабль вперед. – Барли кивнула и шагнула к рулевому веслу. Миас повернулась к Джорону, когда проходила мимо. – Хранитель палубы, в мою каюту, я буду говорить с тобой о том, куда мы направляемся и чего нам ждать. И приведи с собой мастеров луков – я хочу познакомиться с лукоселлами до того, как начнется сражение. – Она остановилась, заметив его колебания. – Ты ведь назначил лукоселлов?

Он этого не делал, более того, ему даже в голову не приходили подобные мысли, но он чувствовал гнев Миас, и уже достаточно хорошо ее знал, чтобы не давать ответ, который ей не понравится. Однако ему совсем не хотелось ей лгать, особенно когда она легко могла это понять.

– Не полные команды, супруга корабля, – ответил он. – Только две.

Его слова не произвели на нее впечатления, и она фыркнула.

– И как их зовут? – спросила Миас.

Имена? Ему было нечего ей сказать, но в последний момент он сообразил, что знает два имени, хотя и не представляет, кому они принадлежат. Он надеялся, что они будут хорошо ему служить.

– Фарис и Хилан, – сказал Джорон.

– Ну, хранитель палубы Твайнер, будем надеяться, что они знают свое ремесло. Я выберу остальных после того, как мы поговорим.

Вскоре он присоединился к ней после короткого разговора шепотом с Хиланом и Фарис, и их глаза широко раскрылись, когда он поведал им о том, что сказал Миас, они заулыбались и прищурились, становясь его сообщниками в этом маленьком обмане.

– Да, я стрелял из дуголука на борту «Высоко идущего змея», – сказал Хилан. – Никогда не был командиром, но знаю достаточно. – Он кивнул. – Да, вполне достаточно.

– А я заряжала на двух кораблях, – сказала Фарис, – раньше... – И ее голос смолк, когда она погрузилась в воспоминания о том, как получила свои жуткие шрамы.

– Ну, теперь вы мои наводчики дуголуков. Вы поведете свои команды, и мы постараемся сделать все, что в наших силах, для Миас, верно? – Они кивнули. – Будьте уверенными и твердыми, моя команда, – сказал он, и они вознаградили его улыбками.

В большой каюте их улыбки исчезли. Миас сидела за письменным столом, курсер, опустив голову, устроился рядом, заложив руки за спину, а Миас смотрела в раскрытую книгу, лежавшую перед ней на столе. Она не обращала на них внимания достаточно долго, чтобы они почувствовали себя неуютно.

– Значит, вы лукоселлы Джорона? – Фарис и Хилан молча кивнули, они лишились дара речи в присутствии такой женщины, как Миас Джилбрин. – Ваши имена?

– Хилан, супруга корабля.

– Фарис, супруга корабля.

Миас кивнула.

– Я хотела увидеть вас до того, как мы вступим сегодня в сражение, – сказала супруга корабля. Джорон был ошеломлен, хотя и понимал, что все к тому шло. Однако он не мог сказать, испытали ли Хилан и Фарис такое же потрясение. – Да, сражение будет сегодня, так что передайте своим расчетам, чтобы подготовились. И если вы знаете тех, кто способен работать с дуголуками, то соберите еще два расчета от имени хранителя палубы, вы поняли? – Они кивнули. – Очень хорошо. А теперь принимайтесь за работу.

Они поклонились и быстро вышли, и Джорон почти почувствовал их облегчение. Молчание Миас заполнило каюту, и он откашлялся.

– Ты так и не объяснила, где и зачем мы будем сражаться, – сказал он.

– Ты ведь не служил на флоте, хранитель палубы. – Она не отрывала глаз от книги. – Поэтому не знаешь, что я не должна тебе ничего говорить. Дети палубы здесь, чтобы сражаться, а зачем и где, касается их только в том случае, если имеет какое-то отношение к тактике. Иными словами, я указываю им, они выпускают стрелы, наносят удары и убивают. Таково их место на борту корабля – сражаться и умирать. В особенности на борту *этого* корабля.

– А каково место хранителя палубы? – спросил он.

Задать такой вопрос было почти смелым поступком, и она оторвала взгляд от книги.

– Ну, ты должен знать немного больше, поэтому я сообщу тебе, где и зачем. А затем укажу, куда стрелять, наносить удары и убивать или умереть, верно?

Джорон ничего не ответил, просто не знал, что сказать, и не сумел подавить приступ страха, ведь если ему предстояло стрелять, наносить удары, убивать и умереть, значит, должны быть те, кто будет делать то же самое с ним. Миас откинулась на спинку стула, подняла руки над головой и потянулась, потом пожала плечами и расслабилась.

– Каждый год, в разгар горячего костетечения на острове Корфинхьюм проходит фестиваль детей. Скучное событие, предназначенное для привязанных-к-камню, фермеров и рыба-

ков. – Ощетинился ли он хоть немного, когда она приписала его отца к тем, кто обитает на земле? – Они проводят своих детей по острову, танцуют, устраивают пир, делают вещи, которые обычно совершают привязанные-к-камню. – Она посмотрела на него, словно ожидала возражений, но Джорон молчал, и она продолжала: – Раньше во время фестиваля совершались рейды, но не с Суровых островов – Корфинхьюм находится слишком близко к Бернхьюму, чтобы они стали рисковать кораблем, – но мародерами, подонками моря. На протяжении почти десятилетия фестиваль проходил спокойно, но на Ста островах случалось и противоположное – наш флот нес потери, и мы перестали патрулировать море так же часто, как прежде.

Джорон почувствовал странный холод внутри. С раннего детства он считал само собой разумеющимся, что внутренним островам не грозит опасность – об этом заботился великий флот, – и услышать о том, что теперь все иначе... Ему вдруг показалось, что Миас говорит о предательстве. Однако она не показалась ему потрясенной или человеком, который открывает великую и ужасную тайну. Скорее, просто выглядела усталой.

– В данный момент большая часть нашего флота ушла на юг. Жители Суровых островов собираются в своей части Хребта Скирит, вот почему дарны и избранники уверены, что они что-то задумали. И, хотя ты можешь этого не знать, если не обращал внимания на Кости Скирит, сегодня день горячего костеприлива. Вода поднимется; загорится Глаз Скирит, и дети Корфинхьюма отправятся гулять по острову. Но мне стало известно, что в этом году они не будут в безопасности. Мародеры в теплых морях западных островов стали достаточно сильны, чтобы на них напасть. Корфинхьюм легкая добыча. У них нет стен, нет дуголуков, чтобы охранять береговую линию, и слишком мало солдат. Я слышала, что их казармы находятся в плачевном состоянии.

Еще одно потрясение. Знания Джорона о Ста островах сложились из рассказов отца. Они представляли собой цепочку островов-крепостей, защищенных стенами и вооруженных против алчных врагов с Суровых островов, чья культура основана на набегах, – именно они вынудили жителей Ста островов стать такими жесткими.

– Вот почему, Джорон, мы летим быстро, и когда мародеры, смелые перед лицом беззащитных людей, обернутся, они увидят, что им противостоит «Дитя приливов».

Он хотел сказать ей, что «Дитя приливов» не готов, признаться, что солгал про расчеты дуголуков, объяснить, что безрассудно вступать в сражение, но когда заговорил, то произнес совсем другие слова.

– Я никогда не участвовал в сражениях, – признался он.

Миас встала.

– Возможно, тебе не придется и сегодня, – сказала она. – Если мы прибудем вовремя, то весьма вероятно, что одного вида корабля нашего флота, пусть даже и черного, – она немного помолчала и вздохнула, – в особенности черного, будет достаточно, чтобы заставить их дважды подумать, прежде чем напасть.

– А если мы не успеем? – спросил Джорон.

– Если мы окажемся там после того, как начнется рейд, мы будем сражаться, – ответила она. – Есть только один путь попасть в бухту и выйти из нее, и мародерам придется пройти сквозь нас, чтобы сбежать. – Миас улыбнулась, но Джорон не увидел в ее улыбке радости. – Они будут на флюк-лодках. Несколько хороших выстрелов из дуголуков их уничтожат. Это вряд ли будет великая битва.

Ему бы следовало сказать, что будет большой удачей, если «Дитя приливов» сделает хотя бы один удачный выстрел из дуголука, но он промолчал.

– Если мы прибудем слишком поздно, Джорон Твайнер, мародеры доберутся до детей, которых продадут, и разбогатеют. Суровые острова их купят и принесут в жертву, чтобы получить зоресветы и сохранить жизни своих людей. Они станут сильнее, а Сто островов – слабее. Поэтому для нас очень важно не опоздать. – Он кивнул. – Так что займись крыльями, Джорон

Твайнер. Заставь «Дитя приливов» лететь вперед и наточи курнов, что висит у тебя на боку. – Когда он повернулся, собираясь уйти, Миас снова заговорила: – Если дойдет до сражения, – тихо сказала она, – схватка на корабле превращается в настоящий хаос. Оставайся возле меня, и пусть твоя команда прикрывает тебе спину.

– И этим все ограничится? – спросил он.

Миас рассмеялась.

– Нет, все гораздо сложнее, чем кажется. Убить врага и уцелеть, вот что самое главное. Во время твоей первой битвы других мыслей у тебя не будет.

– Я думал, ты тактик, супруга корабля Миас, – сказал Джорон.

Она кивнула.

– Да, так и есть, хранитель палубы, я действительно тактик. Но скорее из-за того, что видела много сражений, быть может, слишком много.

– Мой отец говорил о сражениях как о славных делах, – сказал Джорон.

– Это для разных басен, – спокойно ответила она. – Мы сражаемся в надежде, что другим не придется, и для того, чтобы сохранить жизнь тем, кто нам дорог. Мы сражаемся даже за тех, кто этого не заслуживает. В том, что мы делаем, нет ни чести, ни величия, и только глупцы думают иначе. В конечном счете, я иду в бой потому, что у меня нет выбора. – Она посмотрела ему в глаза. – Как и ты. Так что помни, если ты услышишь рассказы об отваге и величии, знай, что их почти всегда рассказывает тот, кто наблюдал за битвой со стороны. Тем же из нас, кто держал оружие в руках, хорошо известно, что такие истории лишь покров для ужаса, который происходит на самом деле. Ни одна разумная женщина или разумный мужчина не хочет войны, а те, что хотят, никогда бы к ней не стремились, если бы думали, что она оставит краску на их пороге.

Джорона поразила горечь, с которой Миас говорила, к тому же ее слова обесценивали память о его отце, и он почувствовал, как что-то темное собирается у него внутри.

– Мой отец сражался, – заявил Джорон. – И хотел, чтобы я попал на флот. И он не был глупцом.

– Нет, я ничего такого не говорила. – Миас покачала головой. – Но он был беден, Джорон Твайнер, а как еще бедняк Ста островов может стать богатым? Они сражаются или умирают в нищете. А теперь иди. Приготовь для меня мой корабль.

Она вернулась к столу, села и снова стала смотреть в книгу, предоставив ему пытаться понять, кто она такая – эта воительница, говорившая так, словно она ненавидит войну.

Быть может, она здесь именно по этой причине?

Он не знал и не осмеливался спросить.

9. Поломки «Дитя приливов»

Ветры обошлись с ними дружелюбно, если не сказать с пониманием. «Дитя приливов» танцевал на море, где почти не было волнения, а клювозмеи плыли перед ними. Миас Джилбрин расхаживала по крестцу костяного корабля, она дважды посылала Джорона с частью команды в трюм, чтобы заново разложить припасы в надежде изменить баланс черного корабля и выжать из него как можно больше. Они потели, ругались, перетаскивали ящики по темному трюму, однако это не помогало увеличить скорость. Корабль набрал ту, которая его устраивала, и дети палубы, пусть и знающие свое дело, работали недостаточно эффективно, чтобы хотя бы немного ускорить его движение, полностью используя ветер.

Поэтому Миас расхаживала взад и вперед, а Джорон чувствовал, что каким-то образом ее разочаровывает, и кипел от собственного гнева – на Миас, за то, что она пробуждала в нем такие чувства, и на себя – из-за того, что ему не все равно.

Когда пламенеющий Глаз Скирит взобрался на высшую точку, прогнав остатки туч и превратив море в сотни тысяч осколков зеркала, настолько ярких, что на него было больно смотреть, раздался крик с верхней части одного из главных позвонков.

– Острова по ходу!

Половина команды устремила к борту, Джорон почувствовал, как корабль накренился, и тут же жаркий воздух прорезал голос Миас:

– Возвращайтесь к работе! Вы скоро увидите острова! Вас не касается то, что видят наблюдатели. – Миас отошла от кормы и встала на поручни, держась одной рукой за веревку, другой приложив к глазам подозрную трубу, ее длинные седые волосы с красно-синими прядями подхватил ветер, а женщинам и мужчинам ничего не оставалось, как вернуться к работе, словно провинившимся детям. – Гора Колферрис. Мы пройдем мимо нее в канал, – крикнула Миас, чтобы стоявшая за рулевым веслом Барли ее услышала. – Отсюда не более восьми поворотов песочных часов до Корфинхьюма. – Она оглянулась. – Хранитель палубы, открой арсенал и раздай курновы и пики каждой женщине и каждому мужчине. И анхир – всем. Расчеты дуголуков должны быть готовы. Моя команда, моя команда! – закричала она с горящими глазами. – Приготовьтесь, сегодня нам предстоит сражение! – И она взметнула в воздух руку с подозрной трубой.

В ответ команда одобрительно взревела, и Джорон удивился. *Если ты ненавидишь сражения, Миас, почему выглядишь такой счастливой, когда думаешь о них?*

Барли налегла на рулевое весло, Джорон почувствовал, как корабль изменил курс, и у него появилось некоторое представление, каким мог стать «Дитя приливов», если бы его команда работала безупречно – корабль легко парит над волнами, танцует над морем и вокруг врагов. Но до этого было еще далеко – возможно, «Дитя приливов» никогда не суждено превратиться в такой корабль. Да и как это могло произойти?

Клюв корабля теперь был направлен на гору Колферрис, вздымавшуюся над морем, на ее сером хребте ярким пятном выделялась зеленая растительность, вокруг летали стаи скииров, что-то жалобно кричавших ветру. Отец говорил ему, что это духи моряков, брошенных на островах и умерших от голода на голых скалах, вроде горы Колферрис.

Мимо Колферрис шла цепочка островов, постепенно увеличивавшихся в размерах, покрытых знакомыми всем розовыми, голубыми и пурпурными цветами джиона и вариска, выраставшими из моря, точно сломанные зубы в челюсти. Над островом, к которому они направлялись, кружили стаи птиц, указывая, что там можно раздобыть пищу. «Быть может, – подумал Джорон, – там ее даже больше, чем обычно, и, если мы опоздали, то на острове полно мертвецов».

Какая-то часть Джорона, совсем небольшая, та, которую он не любил, но не мог отрицать ее существования, надеялась, что они опоздали; мысль о тех, кто хочет его убить, и о том, что ему придется убивать в ответ, наполняла его таким страхом, какого он прежде не знал. Но другая часть, воспитанная на рассказах и историях отца, надеялась, что они успеют вовремя, представляла, как он станет героем, летящим на черном корабле, чтобы спасти детей Корфинхьюма. Об этом поют женщины и мужчины. На корабле, вне всякого сомнения, царило приподнятое настроение, и дело было не только в выставленной на палубе бочке анхира, к которой все по очереди протягивали чашки.

Как ни странно, Джорон не испытывал желания выпить.

Когда арсенал был открыт и все получили оружие, команда еще больше обрадовалась; как если бы курновы, щиты, копья и багры давали не только способность отнимать чужие жизни, но и наделяли их обладателей достоинством – чего Джорон совсем не понимал. Для него клинок являлся лишь инструментом, а мысль о том, чтобы кого-то рубить на куски, заставляла вспоминать о сильном теле отца, разорванном корпусом костяного корабля.

Однако команда относилась к таким вещам иначе; тут и там возникали споры из-за любимого оружия, женщины и мужчины наносили пробные удары, взвешивали в руках курновы, менялись ими, а в нескольких случаях дело едва не дошло до схватки из-за каких-то клинков, которые имели славную историю, – так понял Джорон. Он подумал о том, чтобы вытащить из ножен свое оружие и проверить, нет ли у него каких-то особых свойств. Но не стал так поступать, решив, что для хранителя палубы недостойно расхаживать по палубе и размахивать курновом.

Хотя отец научил его не только обычным приемам боя, известным всем, Джорон не слишком разбирался в оружии и сомневался, что способен отличить хорошее от плохого. Более того, он опасался слишком много узнать о своем мече, который получил, когда в первый раз вошел на борт корабля.

«Для супруга корабля», – сказали ему тогда, а он по глупости и наивности решил, что ему оказали честь.

Теперь он в этом сомневался.

– Подготовьте луки к стрельбе, – крикнула Миас, и Джорон смотрел, как Фарис и Хилан, каждый вместе с тремя другими детьми палубы, а также Квелл и Канвей со своими расчетами, начали отвязывать луки, закрепленные веревками, чтобы они не пострадали в плохую погоду.

Подготовка к стрельбе больших дуголуков еще больше возбудила команду «Дитя приливов», и, когда Квелл открыла коробку у основания своего лука, где, чтобы она не намокала, хранилась свернутая тетива, Джорон ожидал услышать крики радости. Однако тут же прозвучал гневный голос супруга корабля:

– Остановись, женщина! Мы натягиваем тетиву только в тот момент, когда сражение неизбежно.

Джорону стало интересно, заметила ли Миас злобный взгляд, который бросила на нее Квелл, ведь супруга корабля сделала замечание в присутствии ее расчета – в нем Джорон прочитал обещание мести в будущем. Однако Миас повернулась к Квелл спиной и стала смотреть вперед.

Теперь Джорон уже мог различить Корфинхьюм, последний и самый большой остров в цепочке, рядом с которым располагалась огромная груда камней. Дальше остров уходил от них, подобно женщине, которая улеглась спать на холоде, но, в отличие от изгибов тела женщины, остров представлял собой длинный прямой конус, заросший джионом и вариском, спускавшимся к морю. По мере того как «Дитя приливов» приближался к острову, Джорону стало казаться, будто он слышит крики птиц у себя над головой. И только после того, как они оказались ближе, и он сумел различить точки флюк-лодок, гребущих к берегу, понял, что кричат люди, а не птицы.

Между тем Миас наклонилась вперед, словно пыталась помочь кораблю лететь быстрее.

– Подготовить луки, – сказала она, не обращая внимания на суету на палубе, ее взгляд был полностью сосредоточен на том, что происходило впереди. – Смочите руки краской и обрызгайте хребты для Старухи.

Когда они обогнули мыс, лодки мародеров стало видно лучше. Ветер слегка ослабел, земля находилась с подветренной стороны.

– Разверните верхние крылья, – крикнула Миас. – Нам нужен весь ветер, который мы сможем поймать, но я не хочу, чтобы нас выбросило на берег.

Мародеров оказалось больше, чем предполагал Джорон. Он насчитал около тридцати флюк-лодок, по большей части маленьких, но видел и не менее четырех лодок с двойными парусами, раскрашенными в яркие цвета, с силуэтами жуткого черепа Морской Старухи. Женщины и мужчины, управлявшие ими, разделись и разрисовали свои тела в красный и белый цвета, чтобы походить на мясо с жиром, словно с них содрали кожу.

– Клянусь дыханием Старухи! – крикнула Миас. – Я сказала натянуть тетиву!

Джорон повернулся. Фарис и Хилан уже пропустили тетиву между концами луков и пусковым механизмом, но работа шла медленно. А Квелл умудрилась безнадежно запутать тетиву в пусковом механизме и теперь кричала на одну из женщин своего расчета. Последний расчет лучников под руководством Канвея тупо смотрел на тетиву, словно они видели ее в первый раз.

Вполне возможно, что так и было.

– Да спасет нас Дева. – Миас подбежала к луку Квелл и покачала головой. – Зафиксируй лук и присоединяйся к тем, кому предстоит сражаться.

Квелл бросила на нее полный ненависти взгляд, и ее расчет принялся закреплять лук. Миас, больше не обращая на них внимания, бросилась к следующему луку, взяла тетиву и уверенным, натренированным движением за несколько мгновений ее натянула. Потом она проверила, как идут дела у Фарис и Хилана, которые закончили натягивать тетиву на своих луках, и посмотрела вперед.

– Хранитель палубы! – крикнула она. – Ты так и будешь стоять, как болван? Займись крыльями, или мы врежемся в землю!

Джорон вздрогнул. Миас была права. Он увлекся наблюдением за луками, был потрясен огромным числом вражеских лодок и не обратил внимания на то, что «Дитя приливов» расправил слишком много крыльев.

– Спустить передние и главные крылья, – крикнул Джорон. – Оставьте только верхние. Сворачивай к морю, Барли!

Миас быстро прошла мимо него.

– Отставить последний приказ, рулевой, – сказала Миас. – Сворачивай к земле, чтобы мы могли нацелить луки.

– Но супруга корабля... – начал Джорон.

– Никаких «но», хранитель палубы, – прорычала Миас. – Что с тобой не так? Мы сворачиваем к берегу – наш корабль здесь для того, чтобы сражаться.

Три оставшихся расчета принялись быстро крутить лебедки, натягивавшие тетиву. Между тем многие маленькие лодки обратились в бегство – появления корабля флота оказалось достаточно, чтобы их напугать, но четыре самых крупных успели подойти близко к берегу и не собирались менять своих намерений. «Дитя приливов» начал маневр, и Джорон открыл рот. Он знал эту гавань – бывал здесь с отцом: с одной стороны находился риф, и, если корабль не свернет в сторону моря до того, как они смогут открыть огонь из луков, у них просто не останется места для маневра.

Джорон поискал взглядом курсера, собираясь спросить, что он думает, но тот находился внизу, он был слишком важен, чтобы им рисковать. Джорон повернулся к Миас, чтобы ее предупредить, но слова умерли у него на губах. Она ведь Миас Джилбрин, и кто он такой, чтобы с

ней спорить. А вдруг она знает то, что ему неизвестно? Каким глупцом он будет тогда выглядеть.

– Вращайте! – закричала Миас. – Вращайте луки, клянусь волей Матери!

Мимо Джорона пробежала женщина с тремя длинными болтами, сделанными из высушенных стеблей вариска и связанными вместе, наконечником служил заостренный камень, и выдала по стреле каждому из заряжавших луки. Джорон услышал, как щелкнула тетива, заходя за спусковой крючок механизма. Снаряды встали на свои места, каждый расчет установил огромный костяной дуголок на смазанный шаровой шарнир, который позволял его поворачивать.

– Легкие цели! – закричала Миас. – Смотрите на флюк-лодки. Они движутся очень медленно, ведь до берега совсем близко. Поспешите, пока они не опустили весла. И стреляйте по готовности.

Ее голос наполняло предвкушение триумфа.

Но вышло иначе.

Три лука выстрелили одновременно. Первый – им управляла Фарис – издал низкое гудение, но тетива неправильно захватила болт, и он ушел вверх, а расчет в панике бросился в разные стороны, чтобы спрятаться от снаряда, врезавшегося в борт корабля и сломавшего поручень, а потом упавшего в воду. У второго и третьего луков получилось немного удачнее – во всяком случае, им удалось сделать нормальный выстрел. Один болт перелетел флюк-лодки и вонзился в песок, другой также не слишком потревожил мишени. Миас бросила на расчеты такой взгляд, что, если бы выражение лица могло потопить корабль, «Дитя приливов» тут же оказался бы в объятиях Старухи. Однако ничего похожего не случилось, хотя Джорон до какой-то степени хотел, чтобы все закончилось именно так.

– Ради сисек Старухи... – прошипела Миас, решительно направляясь вперед. – Чем твои люди занимались до того, как я взшла на борт? Вращайте лебедки! – закричала она. – Готовьте луки, да заберет вас всех Старуха. Принесите еще болты! Быстрее!

Расчеты повиновались, остальная часть команды застыла на месте, не зная, что делать дальше, хотя часть из них – хвала Деве – выглядела пристыженными, в том числе и сам Джорон. Большие флюк-лодки опустили весла и начали поворачиваться клювами к «Дитю приливов» – чтобы не стать легкой целью, их супруги корабля знали, что одного попадания из дуголука будет достаточно, чтобы все погибли.

– Вращайте быстрее! Да заберет вас Старуха! – кричала Миас.

И тут раздался отчаянный крик. Тетива лука под командой Хилана не выдержала, лопнула, вылетела назад и рассекла Хилана практически надвое. Миас, не обращая внимания на изуродованное тело, бросилась к следующему луку, заряжающий которого уронил болт, в ужас посмотрел на погибшего товарища и отскочил подальше от дуголука. Фарис, маленькая Фарис с изуродованным лицом, испачканная брызгами крови своего товарища, шагнула вперед, подняла болт и с кряхтением, напрягая все силы, поставила его на место.

Миас посмотрела вдоль лука в сторону вражеских лодок.

– Подожди, подожди, – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то другому, а потом нажала на крючок спускового механизма.

Болт устремился вперед над поверхностью моря, ударил в клюв флюк-лодки, разорвал корпус, и через мгновение все, кто на ней находился, оказались в воде. Команда «Дитя приливов» взревела, а Миас уже бежала к луку Хилана, чтобы натянуть новую тетиву. Она прокричала, чтобы лук развернули и оттащили в сторону тело, схватила Фарис, подвела ее к месту наводчика, сама зарядила лук и встала за спиной у девушки.

– Смотри, – сказала Миас. – Смотри внимательно. Видишь, лодка сейчас на мушке? – Она говорила совершенно спокойно, словно «Дитя приливов» летел по морю в отличную погоду, а потом выкрикнула: – Пуск!

Новый болт помчался к цели, ударил во вторую флюк-лодку, и вновь команда радостно взревела.

– Видишь, что нужно делать! – сказала она. – А теперь доведем...

Джорон и все члены команды, в том числе Миас, повалились на палубу, корабль издал жуткий звук – вопль, стон и треск корабельных костей, словно они подверглись колоссальному давлению. Затем снова что-то затрещало, и, словно в замедленном движении, главный позвонок корабля опрокинулся, увлекая за собой крылья и такелаж, но его остановили запутавшиеся веревки, и он остался висеть под необычным углом по отношению к палубе.

Мир Джорона плыл и кренился, расцвеченный диковинными красками, он попытался встать и не смог, думал о том, что необходимо подняться, но мысль осталась в его сознании, так и не добравшись до ног и рук. Затем кто-то огромный, кого он с трудом смог разглядеть, поставил его на ноги. *Барли?*

– Обнажи свой меч, хранитель палубы, – услышал он голос.

И Джорон побрел вперед, спотыкаясь о спутанный такелаж и веревки, но постепенно мир вокруг начал обретать очертания. Он вдруг почувствовал, что у него мокрое лицо, провел по нему рукой и облизнул палец. Кровь. Неужели он пробил голову? Момент страха. *Насколько все серьезно? Череп отца лопнул, как переспелый фрукт.* Джорон продолжал идти дальше. Перед ним неподвижно лежала женщина. Мертвая. Еще дальше скулил от боли мужчина, у него была сломана нога, из красной плоти торчали обломки серой кости, точно вывернутые наизнанку волосы Миас. Но его вел голос, требовавший подчинения. Ее голос.

– Хранитель палубы, ко мне! Вы все! Ко мне!

Корабль, как сильно он поврежден? Имеет ли это хоть какое-то значение в данный момент?

Нет.

В голове у Джорона понемногу прояснялось. *Корабль получил сильный удар. Он напорлся на риф, как Джорон и думал. Что станут делать мародеры?*

Побегут?

Нет.

Они атакуют.

Конечно. Несколько детей, которых можно продать обитателям Суровых островов, ничто по сравнению с прибылью, которую они получают, захватив костяной корабль, пусть даже черный и разбитый. Теперь, когда аракисианы давно исчезли, костяные корабли превратились в истощающийся ресурс, и чем меньше их становилось, тем ценнее были любые их части. О, да, несомненно, можно построить корабль из джиона и вариска, но они получались хрупкими и не слишком надежными по сравнению с костью кейшана, не годились для войны и сражений, и могучее море легко разбивало их о рифы на мелководье. Все знали, что Старуха предпочитает корабли из костей, рожденных в ее темных водах.

Джорон добрался до борта, чувствуя, как палуба косо уходит из-под ног. Миас кричала. Как и он, она была в крови и неловко придерживала левую руку, словно та пострадала. Море у нее за спиной казалось живым. Две самые крупные флюк-лодки изо всех сил гребли к «Дитя приливов», подбирая из кипящей пены и покрасневшей от крови воды тех, кто еще был жив – несчастных атаквали голодные длинноцепы, пожирая их живьем. Маленькие лодки, обратившиеся в бегство, теперь повернули и также устремились к «Дитя приливов».

– Все, – продолжала Миас, – поднимайте оружие и приготовьтесь отбить атаку врага.

Будь Джорон быстрее и смелее, быть может, он выбрал бы именно этот момент, чтобы бросить ей вызов. Попытался бы ее перекричать. Мародеры с радостью приняли бы костяной корабль в подарок без боя, а самого Джорона охотно взяли бы к себе. Но в глубине его сознания звучал голос отца и сотни рассказов о славном флоте, и он не мог пойти на предательство.

Предать Миас? Да. Но отца? Никогда.

– Неужели вы не слышали супругу корабля? – выкрикнула Барли у него за спиной. – Она сказала, что мы должны подготовиться защитить корабль от мародеров.

Последовала пауза, как если бы «Дитя приливов», балансировавший на рифах и готовый в любой момент перевернуться, остался брошенным под ярким сиянием Глаза Скирит или уже погрузился в темноту.

Затем Миас вскочила на корабельные поручни. Мимо пролетали стрелы, выпущенные с приближавшихся флюк-лодок, но она вела себя так, словно их не существовало.

– Ну, – закричала она. – Вы флот? Или пена? – Она подняла меч. – Потому что я – флот!

«Дитя приливов» накренился, и тут раздался одинокий голос. Джорон не знал, кому он принадлежал, но его было хорошо слышно.

– Да! Мы флот!

И в это мгновение решение было принято. Все вокруг Джорона поднимали оружие, и он посмотрел на приближавшиеся лодки и обнаженных по пояс врагов, которые размахивали копьями и луками.

– Ты ранена, – сказал Джорон Миас.

Она посмотрела на него так, словно он сказал – какую-то глупость, и с гримасой попыталась поднять левую руку.

– Да. – Она подошла к обломанному хребту. – Вывих, ничего больше.

С этими словами она ударила спиной в сильно наклоненный хребет корабля, и ее плечевой сустав встал на место. И, хотя Миас не закричала, колени у нее едва не подломились от боли. Команда смотрела на свою супругу корабля, словно ее действия придавали им силы.

– Теперь уже лучше, – добавила она. – Нужно кое-что побольше, чем немного боли, чтобы остановить дитя палубы, верно? – она произнесла эти слова, обращаясь к ближайшей к ней женщине, и та ухмыльнулась в ответ, показав зубы, почерневшие от жвачки харси. – Спустите крылья. Мы их поставим так, чтобы они послужили нам щитом от стрел. Одно на перила, другое – на хребет. За дело. – Женщина кивнула и бросилась выполнять приказ.

Остальные принялись расчищать палубу, топоры рубили такелаж, чтобы опустить главное крыло и быстро поставить его перед крестцом.

Лодки подплывали все ближе.

Второе крыло поставили у поручней на борту.

Лодки подплывали все ближе.

И стрелы начали ударять в борта «Дитя приливов».

Джорон смотрел на женщин и мужчин на флюк-лодках, думая о том, что их невероятно много. Две самые большие были забиты мародерами, жаждущими крови, их тела покраснели от краски. В гребных лодках – он насчитал восемь – находилось не менее шести мародеров в каждой, и Джорон почувствовал, что его завораживает неизбежность приближавшейся смерти.

Миас заставила его опуститься на палубу, когда на «Дитя приливов» обрушились стрелы.

– У нас есть луки на борту, хранитель палубы? – спросила она. Он не знал и ответил ей пустым взглядом. – Не имеет значения. Я пошлю людей, чтобы они закрыли амбразуры на нижней палубе, и тогда никто не сможет проникнуть через них на корабль. Еще далеко не все потеряно, Твайнер. – Миас улыбалась и тяжело дышала. Джорон не мог понять, почему она улыбается, когда они так близки к смерти и все пошло наихудшим образом. – На лодках нет детей, мы прибыли вовремя.

– Или они были на тех, которые мы потопили, – возразил Джорон.

– Когда мы сюда пришли, они направлялись к берегу. Нам удалось им помешать, и теперь мы должны раздавить их о наш корабль, и неважно, что он поврежден.

– Их слишком много, – снова возразил он.

– Но они всего лишь сброд, хранитель палубы. А мы – флот. – Она повернулась к мужчине, который присел на корточки рядом, его лицо покрывали шрамы, и у него не хватало нескольких зубов. – Ты слышал, кто мы такие?

– Флот, – ответил он, но Миас показалось, что его ответ прозвучал слишком тихо.

– Тогда покажи, что в тебе еще осталась гордость. Прокричи это. – Она стояла, не обращая внимания на летящие стрелы, свет отражался от перьев в ее волосах и рыбной кожи туники. – Они – сброд! Ничто! Мы – флот! Мы – Сто островов, и они ничего не смогут против нас!

Джорон видел, какими взглядами обменивались матросы; несмелые улыбки появились на загорелых, покрытых шрамами лицах, и ее слова стали повторять, громче и громче, пока дождь стрел не стих. Он подумал, что Миас безумна, но ни одна из стрел ее не задела.

Она наклонилась вперед так, что почти коснулась губами его уха.

– Мы начнем схватку здесь, когда они станут перелезать через поручни. Когда их наберется слишком много, отведем команду на крестец.

А вокруг них кричали:

– Мы флот! Мы Сто островов!

«Неужели все они безумны, или сражение всегда так влияет на женщин и мужчин?»

Миас выпрямилась и подняла меч. Стрелы падали вокруг нее, отскакивали от палубы, вонзались в поручни, но не причиняли ей вреда.

– Идите ко мне! – крикнула она, обращаясь к приближавшимся лодкам. – Придите и найдите свою смерть от рук Удачливой Миас и ее команды!

Джорон услышал, как флюк-лодка ударилась о борт «Дитя приливов». *Его отца раздавило между кораблем и лодкой.* И тут раздался громкий рев. На поручне появилась рука. Миас сделала выпад, мародер закричал. Когда она подняла меч, с клинка капала кровь. Другие мародеры устремились на корабль, в просветах между потрепанным черным крылом и изукрашенными вертикальными стойками поручней появились лица. Некоторые были окровавлены после столкновений с усеянным шипами корпусом «Дитя приливов».

Джорон обнаружил, что стоит рядом с перилами, но не помнил, как здесь оказался. Он повернулся. Старая Брайрет вложила в его руку копьё.

– Копье лучше подходит для такой работы, хранпал, – сказала она.

Между стойками появилось лицо, руки искали опоры на поручнях, оставляя на них темные влажные следы крови, – «Дитя приливов» уже взял с врага свою первую плату. Джорон направил острие копья в лицо мужчины, почувствовал, как оно рванулось вперед, рассекло плоть и нашло кость. Мужчина, прижимая руки к зияющей ране, с криком упал назад.

Вот как оно будет. Крик, выпад копья, вопль, смятение.

Если между поручнями появлялось лицо, он делал выпад, но также наносил удары по рукам и туловищу. Потом попытался бить в ноги и с удивлением обнаружил, как это просто. Джорон стоял на сланце «Дитя приливов», что давало ему преимущество над мародерами, пытавшимися взобраться на палубу, и он даже начал верить, что все закончится именно здесь, и закончится быстро.

С нижней палубы раздался крик.

Он повернулся.

Группа мародеров сумела подняться на палубу возле клюва корабля и теперь атаковала оборонявшихся с тыла. Миас отступила от поручней, схватила один из висевших на синей тунике маленьких арбалетов и хладнокровно направила болт на нижнюю часть палубы. Она отбросила арбалет в сторону еще до того, как болт вошел в шею женщины, а в руке супруги корабля появился другой арбалет.

– Смотрите на клюв! – крикнула она.

Лучше тренированные дети палубы отреагировали бы быстрее и бросились бы в контратаку, но эта команда не прошла необходимой подготовки; они полностью отдались отчаянному сражению. Еще один болт просвистел над палубой, но новые мародеры уже залезли на нос корабля. И триумфально вопили.

– Твайнер, – закричала Миас. – Отводи людей к хребту. Давай, не медли!

Джорон схватил Старую Брайрет.

– Отступаем! – выкрикнул он ей в лицо. Женщина ухмылялась, она была вся в крови, в глазах горела радость. Объятая яростью, она выглядела заметно моложе. – Назад! – кричал Джорон. – Назад!

Услышав Джорона, Старая Брайрет метнула свое копье в мародеров.

– Сейчас тебе потребуется твой курнов, хранпал, – сказала она, схватила Фарис и оттащила ее от поручней.

Джорон метнул копье и попал мужчине в живот. Услышавшие приказ об отступлении враги бросились вперед, злобные и сильные, как вода в быстрине, сметающая все на своем пути. Команда «Дитя приливов» отходила назад по всей палубе. Теперь все больше врагов перебирались через поручни, присоединяясь к схватке, подобно кипящей воде, выплескивающейся из стоящей на большом огне кастрюли.

Впрочем, не все дети палубы побежали; некоторых настолько захватило сражение и жажда убийства, что они слышали лишь рев собственной крови, и мародеры их убивали. Другие спотыкались о спутанные веревки и такелаж, поскользывались на пролитой крови или просто оказывались недостаточно быстрыми, и их накрывала яростная толпа женщин и мужчин, мчавшихся по палубе. Кровь лилась на сланец, стекала в море, и длинноцепы отчаянно метались вокруг корабля в ожидании добычи. Джорон бежал, чувствуя вину за то, что испытывал благодарность к тем, кто промедлил и своей смертью дал возможность другим спастись.

Миас стояла на крестце, рядом заняла позицию Барли. Они соорудили импровизированную баррикаду из обломков рангоута и ткани крыльев, и Джорон сообразил, что, пока он удерживал врага у поручней и думал только о том, чтобы уцелеть, Миас отправила Барли строить баррикаду. Барли подняла большой обломок рангоута, чтобы уцелевшие дети палубы смогли забежать внутрь, Джорон нырнул вперед, ткань крыла скользнула по его спине, и, как только оставшаяся часть команды оказалась в укрытии, Барли бросила кусок рангоута. По крестцу были разбросаны луки, и Джорону стало стыдно, когда он на них посмотрел. Они находились в отвратительном состоянии, а он даже не знал, что они есть на борту.

– Если ты умеешь стрелять из лука, – крикнула Миас, – встань за позвонком, – она указала себе за спину, – и постарайся вывести из строя их лучников.

Она махнула в сторону мародеров, которые карабкались по переднему позвонку, и в следующее мгновение вверх полезли члены ее команды с луками в зубах и стрелами в руках.

Миас протянула Джорону сделанную из рыбьей кожи флягу с водой. Еще одна вещь, о которой он не подумал: открытая бочка с водой стояла в нижней части позвоночного столба.

– Выпей воду прямо сейчас, – сказала Миас. – Даже если ты не чувствуешь жажды.

Он начал пить и сразу понял, как сильно его тело нуждалось в жидкости. В результате Джорон осушил всю флягу, словно это был лучший анхир из всех, что ему доводилось пробовать в жизни.

– Передай воду остальным, – приказала Миас.

Джорон окунул флягу в бочку и вложил ее в руку Старой Брайрет, но та сразу передала воду Фарис, а сама побежала за водой себе, пока мародеры добивали тех, кто не сумел добраться до баррикады.

– Они идут! – крикнула Миас.

Это было беспощадное сражение под жарким Глазом Скирит. Курнов предназначался для того, чтобы рубить врага, его утяжеленные концы помогали лезвиям легче входить в плоть.

Владение им не требовало особого мастерства, но очень скоро мышцы руки Джорона начали болеть. Вокруг умирали дети палубы; рядом с ними расставались с жизнью мародеры, и он понятия не имел, кто побеждает, лишь чувствовал, как горят руки и легкие, ему приходилось бороться с паникой, и его переполняло отчаянное желание уцелеть.

Миас билась с почти нескрываемой яростью. Сила Барли помогала ей отнимать одну жизнь за другой, чуть в стороне сражалась Квелл, и каждое ее движение было точным и смертоносным. Воспоминания о дисциплине флота вернулись в ряды тех, кто окружал Миас, и дети палубы сдерживали натиск врага. Сама она стояла в центре, не слишком высокая, но бесстрашная, а ее голос был подобен зову трубы. Прямой меч Миас превратился в серебряную линию, взлетающую и падающую, разившую неприятеля, и во все стороны летели брызги крови. Руки Джорона горели, дыхание с хрипом вырывалось из легких, и он начал чувствовать боль от многочисленных царапин и синяков. Когда он решил, что больше не может продолжать схватку, Миас закричала:

– Последнее усилие! – И он с изумлением обнаружил, что у него еще остались силы.

Не слишком много, но достаточно – достаточно, чтобы убивать и бросать вызов врагу.

И в тот момент, когда ему уже казалось, что он больше не может двигаться, что-то изменилось. Мародеры начали отступать, побежали к бортам так быстро, словно за ними пришла сама Морская Старуха. Джорон повернулся к Старой Брайрет, но та лежала на палубе, а ее окровавленная голова покоилась на коленях Фарис. Пустые глаза старой женщины смотрели в небо, череп был пробит страшным ударом.

– Она получила эту рану в первой же атаке, хранпал, – тихо сказала Фарис. – Брайрет присматривала за мной. Она и Хилан. Кто теперь будет это делать? Кто позаботится о бедной Фарис?

Джорон знал ответ на ее вопрос, но сейчас у него просто не осталось сил для разговоров, поэтому он лишь смотрел на изуродованное лицо девушки, которая плакала, обнимая бездыханное тело преступницы.

10. Возвращение

Не имело смысла праздновать победу, когда мародеры отступили. Джорон и сам не знал, чего ждать – может быть, благодарности жителей Корфинхьюма? К тому же команде «Дитя приливов» не помешала бы поддержка. Люди почти всегда помогают друг другу на море. Но, хотя женщины и мужчины Корфинхьюма вышли на небольшой флотилии им навстречу, они ничего не стали делать для «Дитя приливов». Вместо этого они забрали лодки мародеров и отправились обратно на берег. Джорон смотрел, как они перекрашивают свою добычу в собственные цвета – радостное сочетание зеленого и желтого.

На борту черного корабля царило мрачное настроение.

По мнению Джорона и большей части команды, они одержали победу.

Миас считала иначе.

Она ходила по сланцу так, словно ей лично нанесено ужасающее оскорбление, и кричала на всех, кто попадался у нее на пути, требовала, чтобы уставшие дети палубы поскорее привели корабль в порядок.

Команда уже начала рубить запутанные веревки такелажа и рангоут, и у Джорона впервые появилась возможность рассмотреть позвоночник корабля. Он думал, что он состоит из костей, и с удивлением обнаружил, что ошибался. Главные опоры, толстые и круглые части днища были сделаны из костей аракисиана, но более высокие элементы и поперечные балки – из стеблей джиона, высушенных и сплетенных для дополнительной прочности. Потом все выкрасили в черный цвет, чтобы придать кораблю единообразный вид. Центральная часть главного хребта была также из стволов джиона, высушенных, сплетенных и укрепленных костями, и Джорона поразило, что он не знал таких простых вещей о корабле, и ни разу даже не попытался его изучить.

– Ты так и будешь весь день глазеть по сторонам с разинутым ртом, Твайнер? – поинтересовалась Миас. – Или доложишь мне цену разгрома, заплаченную Старухе?

– Супруга корабля?

– Сколько людей погибло, хранитель палубы? И сколько членов команды уцелело, чтобы я могла попытаться снова сделать эту развалину плавучей? – Миас с трудом скрывала ярость.

– Я пытался...

– Нет! – Она швырнула это слово в него, и Джорон почувствовал, что на него обращены глаза всей команды, жар, в каком-то смысле, еще более сильный, чем тот, что исходил от Глаза Скирит. – Ты позволил нам напороться на риф. Никого не поставил вперед, чтобы нас предупредить, а корабль должен быть защищен от подобных вещей. Ты знал про риф? – Она говорила негромко, но Джорон не сомневался, что вся команда ее слышит. – Если хранитель палубы что-то *знает*, он должен поставить в известность супругу корабля. То, что случилось, твоя вина, Твайнер, и, если бы ты уже не был мертвецом, я бы сделала все, чтобы ты к ним присоединился. – Она отвернулась и пошла прочь. – Найди мне того, кто умеет плавать, – бросила она на ходу. – Мне нужно знать, насколько глубоко киль погрузился в морское дно.

Дети палубы ухмылялись, глядя на смущение Джорона, а Миас резко сказала:

– Ты! Почему ты сидишь, как последний болван? Собери команду для флюк-лодки и готовь ее к буксировке. Чтобы сдвинуть наш корабль с места, потребуются сильные люди.

С этими словами она скрылась на нижней палубе, и Джорон подумал, что теперь она, конечно, будет сидеть в своей каюте, пока другие работают.

Джорон отправился выполнять ее приказ и обнаружил, что тела погибших уложены в ряд на палубе; мертвых мародеров попросту сбрасывали за борт.

Джорон насчитал двадцать два трупа, украшенных листьями вариска и камнями, прикрепленными к телам, чтобы доставить их к Старухе. Фарис сидела в конце ряда и заканчивала

заворачивать последнее тело. Джорон чувствовал, что должен что-то сказать, однако у него не нашлось слов, поэтому он пошел прочь, подальше от глаз команды. Но и на крестце он не нашел покоя: дети палубы убирали баррикаду, которая их спасла. Им помогала Барли, чья сила оказалась совсем не лишней.

– Ты умеешь плавать, рулевая? – спросил Джорон, и, когда произносил эти слова, понял, что в них прозвучало сомнение.

Она посмотрела на него, потом сделала два шага и оказалась в опасной близости.

– Нет, хранитель палубы, – сказала она. – Я не умею, но Карринг, – она указала на невероятно худого мужчину, – плавает так, словно родился в воде.

– Спасибо, рулевая, – сказал Джорон. Барли кивнула, и ему вдруг показалось, что на ее мясистом лице ненависти стало чуть меньше. – Барли, у нас есть девушка, подруга Старой Брайрет.

– Да, Фарис. Я о ней знаю.

– У меня сложилось впечатление, что Старая Брайрет и Хилан были ее единственными друзьями, но их больше нет. Ей необходим друг, так мне кажется.

– Ты мне приказываешь? – спросила Барли, и ее слова казались застывшими, точно вода в пруду.

Джорон не знал, как поступить. Ему следовало отдать приказ, и он понимал, что если не сделает этого, то откажется от части своей власти, а Миас его предупреждала, что так поступать нельзя.

Но еще она ему сказала, что он должен искать собственный путь.

– Нет, – сказал он. – Я не верю в то, что дружбу можно навязать.

Барли долго на него смотрела, потом отступила на шаг.

– Мне нужно привести в порядок крестец корабля, – заявила она и отвернулась.

– Конечно, – сказал Джорон, чувствуя, что совершил очередную ошибку.

Однако Барли снова на него посмотрела.

– Я присмотрю за девушкой, – сказала она. – Но Брайрет еще может выжить. Она очень крепкая женщина.

– Она жива? – удивленно спросил Джорон.

Барли кивнула, и на ее лице появилось легкое неодобрение – как он мог не знать?

– Да, она сейчас в Доме Старухи у Руки Старухи. Он говорит, что она может выжить.

Джорон кивнул, словно понял, о чем речь.

– Спасибо, рулевая. – Джорон подошел к Каррингу. – Барли говорит, что ты плаваешь так, словно родился в море.

– Да, хранпал.

Мужчина не смотрел на Джорона. На Карринге были лишь свободные штаны, вокруг головы он повязал шарф, скрывавший волосы. А еще Джорон отметил, что у него такая же смуглая кожа, как у него самого.

– Ты с островов Метлы, верно?

– Да, хранпал. – Мужчина по-прежнему не смотрел на Джорона.

Джорон не понимал, почему он отводит глаза, но не стал спрашивать.

– Я слышал, что там живут хорошие пловцы, – сказал Джорон. – Супруга корабля хочет узнать, насколько сильно мы застряли. Ты сможешь это сделать для нее?

– Да, – ответил мужчина, но его лицо перекосила гримаса ужаса, заставившая Джорона остановиться.

– Ты не хочешь? – спросил он.

– Я с радостью выполню желание супруги корабля, хранпал, буду счастлив, как любовники Девы, но дело в клювозмеях. Они плавают рядом с кораблем, а еще длинноцепы. – При

упоминании морских хищников он сглотнул и отвернулся. – Там сейчас столько трупов, сам посмотри. Их привлекла кровь.

Джорон отступил на шаг, мысль о том, чтобы оказаться под кораблем, в темноте, не имея возможности дышать, когда вокруг полно клювозмей и длинноцепов, наполнила его ужасом. Может ли он послать человека, чтобы сделать то, на что никогда не согласился бы сам?

– Хранпал.

Он повернулся. К нему подошла женщина, дитя палубы, имени которой он не знал.

– Да?

– На Шелхьюме мы собираем ракушки для украшений, за них дают хорошую цену.

Джорон смотрел на женщину, не понимая, почему она о них заговорила.

– И?

– Ну, хранпал, клювозмей и длинноцепы часто собираются там, где больше всего ныряльщиков.

– Значит, ты имела с ними дело?

– Да.

– И как поступают в Шелхьюме?

– Мы убиваем одного из них или наносим ему тяжелое ранение. Остальные твари собираются вокруг него, и тогда у нас появляется возможность отправить пловца.

– В таком случае, нам следует собрать копыя, – сказал Джорон. – И детей палубы. Мы должны убить клювозмею.

– Возможно, нам не придется, хранпал, – заговорил другой дитя палубы. – Ведь в воде полно мертвых тел. Если мы разрубим несколько штук подальше от корабля, кровь привлечет к ним клювозмей.

Джорон повернулся к женщине из Шелхьюма.

– Это может сработать?

– Да, пожалуй, – сказала она. – Клювозмеям все равно что есть, им важно набить желудки.

– Как и тебе, Торфи, – вмешался другой дитя палубы.

Джорон не обратил внимания ни на его слова, ни на последовавший смех.

– Давайте поднимем на борт тела, которые находятся рядом с «Дитя приливов», и оставим те, что плавают дальше; однако будет полезно повредить их еще сильнее, – сказал дитя палубы.

– Да, чем больше крови, тем лучше, – согласился с ним Джорон. – Так что нам в любом случае потребуются копыя, верно?

Он собрал небольшую группу детей палубы, раздал им копыя, и у него появилось ощущение, что они слишком радуются, пробивая трупы мародеров. Очень скоро из-под корабля появились клювозмей и устремились туда, где было больше крови, за ними последовали длинноцепы, жутковатые белесые тени, устремившиеся подальше от тени корабля.

Джорон повернулся к Каррингу.

– Теперь они все с другой стороны, так что тебе стоит поспешить, – сказал Джорон, но, когда Карринг взобрался на поручни, остановил его, придерживая за плечо. – Постарайся выяснить как можно больше о положении корабля. Ведь всем известно, что супруга корабля не из тех, кого устроит выполненное наполовину задание, верно? – Он услышал дружный хор: «Да!» – Но если увидишь клювозмеев или длинноцепов, забудь обо всем и возвращайся с тем, что тебе удастся узнать. Старуха и без того жестоко обошлась с нами. Ты все понял, Карринг? Я не хочу ее раздражать и еще больше увеличивать погребальный костер.

Карринг кивнул, мимолетно улыбнулся и спрыгнул за борт. Джорон повернулся к группе детей палубы, державших в руках копыя, с ощущением, что теперь все сделал правильно, и увидел Миас, стоявшую на другом конце корабля. Она без улыбки смотрела на него.

Он направился к ней, чувствуя, как с каждым шагом уходит радость.

– Мы потеряли двадцать два человека, супруга корабля, – сказал он. – Я отправил человека за борт, чтобы он проверил, насколько глубоко корабль погрузился в морское дно.

– Слишком большие потери, – сказала она. – Мы не сможем управлять кораблем такого размера с командой всего в пятьдесят человек, к тому же костеклей растекся вдоль всего корпуса. Нам потребуется днем и ночью работать с насосами, если мы хотим добраться до Бернсхьюма.

– Значит, мы направляемся в столицу? – спросил Джорон.

– Куда же еще? – сказала она. – Корабль необходимо отремонтировать, чтобы он снова вышел в море, и команда смогла заставить его летать. А в Бернсхьюме самые лучшие мастера.

– Супруга корабля, – заговорил он, – неужели она не понимает, в каком положении они оказались? Мы на корабле мертвых. Может быть, в тихом порту, где у людей мало работы, мы сможем сделать кое-какой ремонт, но в Бернсхьюме? Там весь флот будет стоять в очереди перед нами.

Ее глаза были такими же серыми, как небо перед дождем.

– У меня еще остались друзья, хранитель палубы, – ответила Миас.

– Но... – Он не закончил, потому что ее глаза не позволили ему продолжить.

Ярость, которую он в ней чувствовал, все еще кипела у нее в груди, сильное тело ее сдерживало, но она могла выплеснуться в любой момент. И он не хотел стать тем, кто будет ошпарен.

– Конечно, супруга корабля.

Миас кивнула.

– Джорон Твайнер. У тебя есть какая-то причина не желать возвращения в Бернсхьюм? – спросила она.

– Нет, супруга корабля. – И с его языка сорвались горькие слова: – Ты владеешь мной. Ты командуешь кораблем, и я иду туда, куда ты меня направишь.

– Хорошо, – сказала она. – Хорошо. – И отвернулась.

Конечно, у него имелись очень серьезные причины не желать возвращения в Бернсхьюм, и он не мог избавиться от ощущения, что Миас они известны. «И как она может использовать это знание? – подумал Джорон. – А также что с ним сделает?»

Вскоре вернулся мокрый Карринг с глубокой кровавой царапиной на руке.

– Что произошло, Карринг? – спросил Джорон.

– Киль застрял среди камней, хранпал. Я попытался их сдвинуть и поцарапал руку. Дело паршивое.

– Ладно, обратись к Руке Старухи, – сказал Джорон. – Нам не нужно, чтобы твоя рана загноилась. Насколько серьезный урон получил корабль?

– Все достаточно плохо, хранпал. Вдоль всего кия идет трещина. – Должно быть, он увидел смятение на лице Джорона. – Но он полетит, хранпал, обязательно полетит. Однако если шпионы Северного Шторма нас выследят, нам не выдержать нового серьезного удара.

– А хорошие новости есть? – спросил Джорон.

– Да, скоро поменяется направление течения. Я думаю, отлив заканчивается и начнется прилив. Он может нас приподнять и высвободить киль. Во время прилива у нас будут шансы сдвинуться с места.

– Хорошо. – Джорон кивнул и заговорил громче: – Готовимся к буксировке! Нам не следует задерживаться у этих скал дольше, чем необходимо.

Он поразился, когда команда тут же принялась выполнять его приказы. И больше всего Джорона удивил имевший немалый авторитет Канвей, который сразу повел группу в двадцать человек к той из двух флюк-лодок, что была больше. Но почти сразу его удивление превратилось в смятение. Пока команда меньшей лодки пыталась надежно связать канаты для букси-

ровки, гребцы флюк-лодки Канвея направились в открытое море. Сам Канвей поднял крыло на лодке, потом повернулся и прокричал какое-то ругательство в сторону «Дитя приливов».

Миас выскочила на палубу.

– Эй, мужчина! – Она швыряла слова в убегавшую лодку, точно стрелы дуголуков. – Вернитесь немедленно!

Однако Канвей только рассмеялся, наклонился, схватил что-то, лежавшее на дне лодки, и тут же выпрямился – в правой руке он держал копье. Он перехватил его поудобнее, нашел удачный баланс и вложил всю свою силу в бросок.

Джорон наклонился. Но Миас даже не пошевелилась. Она даже не вздрогнула, лишь подняла голову, наблюдая за полетом копья, которое по дуге несло к большому кораблю. Последовал тяжелый удар, и копье вонзилось в борт «Дитя приливов», чуть ниже того места, где находилась Миас. Она продолжала стоять, точно статуя, наблюдая за убегавшей лодкой.

11. Дорога домой

Корабль, окутанный тяжелыми мыслями, медленно полз к острову Шипсхьюм, пробираясь сквозь густой туман, почти без помощи ветра, в Бернсхьюм, столицу Ста островов, чтобы попросить о помощи и поддержке. Все члены команды пребывали в унылом настроении из-за мрачного расположения духа, овладевшего Миас Джилбрин, которая бросала на них гневные взгляды с крестца корабля. Безрадостные размышления не отпускали Джорона Твайнера, не понимавшего, что еще он мог сделать для корабля, ведь он так старался, и все равно потерпел поражение. Все члены команды были подавлены из-за того, что корабль дал течь, а насосы работали день и ночь с таким шумом и грохотом, что лишь немногие умудрялись заснуть.

Мрачные мысли одолевали всех из-за погибших в схватке с мародерами двадцати с лишним человек, еще семеро умерли от ран по пути – но не сумели уйти достойно и тихо. Их вопли преследовали корабль, когда он крался сквозь туман, и вскоре уже не составляло труда поверить, что «Дитя приливов» заблудился среди мертвецов и теперь, окруженный призраками, дрейфует сквозь темные владения Морской Старухи.

Мучения команды должны были закончиться после прибытия в Бернсхьюм – конец бесконечной работы у насосов в трюме и ремонту на верхней палубе. Какая-то передышка для Джорона от ненавидящего взгляда Миас Джилбрин, которая, казалось, считала, что именно он виновен во всех несчастиях, обрушившихся на корабль.

Из всех Ста островов Шипсхьюм был самым большим, а Бернсхьюм – огромным городом и портом. Остров имел форму встающего полумесяца, как и большинство других островов – быстрый росчерк пера на пергаменте – только в другом, более крупном масштабе, и поражал буйством основных красок, когда джунгли вариска и джиона возрождались к жизни. Две длинные дамбы отходили от острова по дуге, их построили еще в те времена, когда кости аракисианов не были редкостью. Их и сейчас удавалось разглядеть, они торчали из наваленных вокруг камней, чтобы создать барьер против моря, которое сейчас нежно плескалось у дамбы, скрывая свою ярость. Однако в другие времена оно в гнев обрушивалось на барьер из костей и серого сланца, и волны становились такими же высокими, как позвоночник, поднимавшийся над палубой «Дитя приливов».

За приближением черного корабля наблюдали вооруженные женщины и мужчины, расположившиеся на легких башнях, торчавших, точно зубы, на концах каждого каменного волнолома. Джорон увидел, как два человека на маяке склонили друг к другу головы – они явно обсуждали их корабль, потом появился красный флаг, приказывавший им остановиться.

– Супруга корабля, – прокричал Джорон, хотя его голос слегка дрожал из-за ее очевидного гнева. – Они хотят, чтобы мы остановились.

Миас ступила на сланец палубы и посмотрела на женщину, которая размахивала флагом, потом перевела взгляд на волнолом и прищурилась в ярком свете Глаза Скирит, только что коснувшегося вершины горы, короновавшей остров.

– Не обращай на них внимания. Мы не представляем для них опасности, и нам срочно нужно в док.

Джорон собрался открыть рот и сказать, что наказание за отказ остановиться после отмашки красным флагом карается смертью – и всем это прекрасно известно. Но она улыбнулась ему – нет, скорее оскалила зубы, ведь не существовало более мрачной шутки, чем упоминание о смертной казни для обреченной на смерть команды. Мрачный юмор для мрачного черного корабля.

«Дитя приливов» продолжал двигаться вперед, его позвонки потрескивали, насосы грохотали, корабль тяжело раскачивался – команда лишь с огромным трудом справлялась с течью. Костяной корабль мог затонуть в любой момент их мрачного путешествия домой. Впервые с

того момента, как Джорон его покинул, он вновь увидел порт и испытал такую сильную боль, что даже не смотрел по сторонам.

Гавань Бернсхьюма была забита кораблями: двух-, трех-, четырех- и даже пятиреберными красавцами, которые сияли белой костью и слегка покачивались на легких волнах. От одного из них отошла флюк-лодка, весла спустили в воду, возникло короткое замешательство гребцов, потом раздалась команда, и лодка устремилась вперед. На носу стоял мужчина в двуххвостой шляпе, а его грудь сияла яркими цветами. Хранитель порта, вне всякого сомнения. Лодка направилась прямо к «Дитя приливов». За спиной хранителя три его прихвостня размахивали красными флагами.

– Немедленно остановитесь! Именем Тиртендарн, остановить корабль! – Мужчина обратился к имени матери Миас, словно считал, что одного этого достаточно, чтобы корабль подчинился; у него был вибрирующий голос избранника, человека, служившего дарнам. – Полная остановка, черный корабль. У вас нет разрешения на вход в Бернсхьюм, и вы его не получите. Если вы будете продолжать движение, мы начнем стрелять из дуголуков – порта.

Джорон бросил взгляд на установленные на концах волноломов огромные луки, во много раз больше тех, что стояли на корабле, они могли пробить насквозь даже такой четырехреберный корабль, как «Дитя приливов». Луки уже были взведены и заряжены, рядом горел огонь – пылала слюна Старухи, и уже не оставалось сомнений, что угрозу хранителя порта не следует игнорировать. Миас наклонилась вперед и посмотрела на флюк-лодку.

– Хранитель порта, – крикнула она, – мой корабль получил серьезные повреждения, когда мы защищали детей Корфинхьюма от мародеров.

– Это не проблема Бернсхьюма, – ответил мужчина. – Вам следует...

– Мы не доберемся до другого порта, – крикнула Миас, перебив хранителя порта, однако ее голос звучал спокойно и убедительно. – Наш корабль набирает воду быстрее, чем воришки пьют анхир. А теперь, если ты хочешь и готов ответить за утрату пяти тысяч мер аракисианской кости, которая вскоре пойдет на дно, я разверну корабль, и мы утонем. – Она немного помолчала, словно обдумывала судьбу «Дитя приливов». – Мы можем попытаться затопить корабль в стороне от входа в порт, чтобы не блокировать его полностью, но, если честно, я не уверена, что у нас получится. – Джорон видел, что в глазах хранителя появился страх; его долг состоял в том, чтобы обеспечивать безопасность и надежную работу порта. – Но, хранитель порта, тебе достаточно сказать одно слово, мы развернем «Дитя приливов» и посмотрим, как скоро Морская Старуха заберет нас к себе. – Миас еще сильнее склонилась над поручнем, и в ее голосе появилась угроза. – Но, если твое решение будет сочтено ошибочным, ты навлечешь на себя гнев моей матери, и тогда до конца своих дней будешь носить траурную повязку по моей команде, а твоя семья обанкротится, выплачивая стоимость потерянного корабля.

– Но, если ты затопишь корабль в порту... – начал хранитель порта.

– Это также обойдется тебе очень дорого. – На лице хранителя снова появилась тревога, к тому же его смущала уверенность Миас. – Я предлагаю тебе приготовить для нас сухой док. – Она указала мимо его лодки в сторону берега, где из тумана выступали огромные корабельные подъемные краны. – Я вижу, что там есть пустой. Надеюсь, нам удастся до него добраться, если наши насосы будут продолжать работать.

Хранитель порта отвернулся и принялся что-то шепотом обсуждать с превосходно и модно одетыми избранниками, которые его сопровождали. Потом снова повернулся к – Миас.

– Ладно. Мы пришлем лоцмана с лодкой, чтобы он провел вас к докам. Твоя команда не имеет права покидать корабль. Вас встретят солдаты, и, когда мы будем готовы, мы перевезем вас на плавучую тюрьму в стороне от порта, где вы останетесь до конца работ. Если вы попытаетесь отклониться от пути, указанного лоцманом, дуголуки вас утопят, какой бы ни оказалась цена. Ты меня поняла?

– Целиком и полностью, – сказала Миас. – И я не ждала ничего другого.

Она отвернулась от хранителя порта, словно он перестал существовать, а когда проходила мимо Джорона, он услышал, как она прошептала себе под нос: «Наглый воришка, никогда не видевший штормов».

Команда «Дитя приливов» стояла вокруг нее, точно потерявшиеся дети.

– Приготовьте веревки для буксировки корабля и удвойте скорость работы насосов. Я и без того достаточно унижена и не допущу, чтобы корабль затонул в гавани.

После этого на корабле установилось подобие порядка. Женщины и мужчины бегали по палубе, укладывали куски рангоута и снастей, привязывали веревки к клюву, чтобы сразу бросить их на буксирные лодки. Когда те появились, никто даже не попытался заговорить с командой «Дитя приливов», они лишь молча привязали веревки с черного корабля. Миас уже сменила команду, работавшую у насосов, и предложила тем, кто закончил вахту, отдохнуть. Потом она позвала Джорона за собой на крестец корабля.

– Твайнер, сейчас мы войдем в гавань, ты и я. Мы будем стоять *здесь* и молчать. Мы не станем смотреть по сторонам и испытывать стыд из-за цвета и состояния нашего корабля. Ты меня понял?

– Я...

– Тебе следует сказать: «Да, супруга корабля».

Джорон сглотнул и кивнул:

– Да, супруга корабля.

– Хорошо.

И они стояли, ощущая необычное движение корабля, словно он делал это по своей воле, когда лодки тащили его на буксире вдоль гавани. Вокруг возвышались костяные корабли флота Ста островов, белые, невредимые и сияющие. Каждый обладал именем, и каждый был любим командой, которая полировала его до тех пор, пока он не начинал сиять в свете Глаза Скирит, а над ними весело мерцали зоресветы, чтобы показать, что, в отличие от «Дитя приливов», эти корабли живые.

В детстве Джорон любил сидеть рядом с отцом и смотреть на проходившие мимо корабли – он получал удовольствие от их драматического и радостного возвращения домой. Ему нравилось, как корабль рассекал воду, подняв флаги победы, или, еще того лучше, с добытым призом, следовавшим позади на буксире, а команда предвкушала дополнительные деньги, которые он им принесет. Но особый восторг у него вызывали моменты, когда команды всех кораблей в гавани выстраивались вдоль поручней и приветствовали своих входивших в порт собратьев.

Однако никто не станет приветствовать «Дитя приливов».

Да, женщины и мужчины Ста островов выстраивались возле поручней своих кораблей, а над ними на рангоуте мягко сиял зоресвет, но, когда к ним приближался «Дитя приливов», они поворачивались спинами к черному кораблю. Джорон знал, что нет чести находиться на борту корабля мертвых, но никогда не видел ничего подобного, даже не слышал о столь массовом неприятии корабля флота. Впрочем, постепенно, когда одна команда за другой не желала на них смотреть, он понял, что они не хотят видеть вовсе не его позор или жалкое состояние корабля – они отрекались от Миас.

Она не выказала своих чувств даже в тот момент, когда они проходили мимо ее бывшего корабля – пятиреберного «Ужаса аракисиана», и команда, которая когда-то служила под ее началом, отвернулась. Миас, как и прежде, смотрела вперед, словно «Дитя приливов» был единственным кораблем в порту и только он ее интересовал. Но, когда они огибали «Ужас аракисиана», Джорон заметил первую трещину в ее доспехах.

Еще один пятиреберный корабль, более новый, но меньшего размера, стоял за «Ужасом». Джорон не знал его и никогда не слышал о нем прежде. Вдоль клюва было написано: «Охотник Старухи», а над ним парило семь зоресветов, всего лишь на один меньше полного набора, все они сияли голубым цветом, чтобы показать, что корабль совершенно исправен.

Кровь принесенных жертв все еще покрывала корабль – ярко-красные полосы на девственно белых бортах. Нет, он не был новым – должно быть, его отбили у врага с Суровых островов. Но вовсе не из-за корабля Миас стиснула руки и в глазах у нее вспыхнула такая неистовая ярость, что Джорон отступил на шаг. Гнев Миас вызвала женщина у поручней, супруга корабля «Охотник Старухи». Только она, единственная из тысяч женщин и мужчин на множестве кораблей в гавани, от них не отвернулась. Она продолжала смотреть на «Дитя приливов», который медленно буксировали мимо. Как и у Миас, ее голову украшала двуххвостая шляпа, но, в отличие от Миас, готовой убивать, в ее глазах плясало нечто похожее на смех – она ни на мгновение не отвела взгляда от супруги корабля «Дитя приливов».

«Ну, – подумал Джорон, – и кто ты такая? И какой властью над Удачливой Миас обладаешь?»

Но он не получил от Миас никаких подсказок. Она больше не смотрела ни на супругу корабля «Охотник Старухи», ни на Джорона, ее взгляд был устремлен вперед, на город Бернсхьюм, который начал появляться из тумана.

Чтобы отвлечься от рядов спин на каждом корабле, Джорон также стал смотреть на Бернсхьюм, город изысканных кривых. Одинокая изгибающаяся тропа шла вверх по крутому склону горы, вдоль нее расположились спиральные жилища, дома дарнов, а также административные здания Бернсхьюма и управления флота. Совсем маленькие внизу, у основания и вокруг старой гавани, лишь немногим выше одной высокой женщины, стоящей на плечах другой, каждое в форме половины скорлупы яйца, но становившиеся все больше по мере того, как они поднимались вдоль склона холма, пока тропа не добиралась до Спиральных Жилищ, огромных ульев из плоских камней, сложенных так тщательно и искусно, что казалось, будто камни срослись друг с другом – они охраняли строения от самых страшных штормов.

Когда корабль приблизился к краям, Джорон начал различать цвета вокруг оснований жилищ, где женщины и мужчины разливали яркую краску на удачу или для благословения. Наверху Бернсхьюма, примерно в трети пути по склону, находилось самое большое здание, Главное Жилище, дворец Тиртендарн Джилбрин, камень которого менял цвет от темного к светлому, и сдвоенные спирали уходили ввысь, в десять, одиннадцать, может быть, двенадцать раз превышая рост высокого мужчины. Он имел не просто форму улья, а скорее напоминал перевернутый корпус корабля, а верхние этажи представляли собой решетки из камней и пластин высушенного и отбеленного джиона. Джорон слышал, что он уходил в глубь горы, пряча многочисленные этажи и комнаты в скале, но сын рыбака никогда не смог бы попасть в такое место.

На нижних этажах проходили суды; выше располагались маленькие комнаты, куда отправлялись женщины острова рожать детей. Всякая женщина, достаточно сильная, чтобы пережить рождение ребенка, дитя которой появлялось на свет без физических недостатков, вызванных проклятием Старухи, отдавала своего первенца кораблям, а затем присоединялась к дарнам, чтобы разделить с ними власть.

Мать Джорона умерла в одной из таких комнат, дав ему жизнь, и отец забрал крошечное окровавленное тельце, страдая из-за утраты жены, но радуясь, что сын будет жить. Слабая порода к слабой породе, так говорили Жрицы Старухи о тех, кто появился на свет неполноценным, таких не брали на костяные корабли, их душам предстояло обитать в живой структуре и сиять над ней зоресветом.

Джорон знал, что первенец Тиртендарн, предназначенный кораблям, каким-то образом выжил и попал в спиральные жилища, где его воспитали для флота. Он не верил разговорам о чудесах, которые помогли Удачливой Миас Джилбрин остаться в живых. Джилбрины являлись старой семьей дарнов, и те, кто рос среди них на причалах и в морских пещерах, знали правду. Сто островов не знали справедливости. Здесь уважали только силу, и лишь немногие были сильнее старых семей дарнов.

«Дитя приливов» замедлил ход, и Джорон посмотрел на Миас, потом проследил за ее взглядом и увидел на берегу глыбу цвета охры, приковавшую внимание супруги корабля. Три ступеньки, ведущие в никуда, выбитые в белом известняке, который находили только в морских расселинах вдоль Хребта Скирит, они могли легко сломать корабль, подошедший, чтобы добыть камень, или с такой же легкостью его отдать. Но камень перестал быть белым; он стал цвета охры от крови новорожденных, принесенных в жертву, чтобы они парили в виде света над костяными кораблями.

– Подготовь «Дитя приливов» к сухому доку, – негромко сказала Миас. – Я хочу, чтобы все, что может упасть, было привязано, а потом передай команде, чтобы надели кандалы. Я не позволю морской страже найти повод увлажнить свои копы кровью моей команды.

Джорон кивнул и приступил к работе, хотя ее оказалось совсем немного. Все, что не было совершенно необходимо, они выбросили за борт, чтобы облегчить корабль и помочь ему держаться на воде. К тому же женщины и мужчины команды так устали, что у них не осталось сил на споры, когда Джорон приказал им надеть кандалы, совсем как ветрогонам, покидавшим глинодворы; они просто протягивали руки, чтобы их заковали товарищи по команде, Барли и Квелл. Потом обе женщины подошли к Джорону, который надел кандалы на них, Барли смирилась с необходимостью, но Квелл смотрела на него, пока он защелкивал замки на ее запястьях, молча над ним насмехаясь. К тому времени когда «Дитя приливов» надежно закрепили в доке, а портовым рабочим пришлось изрядно попотеть и поворчать, натягивая веревки, чтобы вытащить его из воды, вся команда была закована в кандалы.

Морская стража в блестящих от серебряной краски кожаных доспехах окружила «Дитя приливов», держа копы с каменными наконечниками наготове. За ними ждали женщины с глинодворов, чтобы забрать ветрогона. Миас спустилась по борту и подошла к начальнику стражи, который ей что-то сказал, и она кивнула. Команду формально передали на попечение морской стражи, к борту «Дитя приливов» приставили трап, и командер повел свой отряд на борт. Команда, кроткая, как дети, покинула корабль и пошла вдоль берега на глазах у горожан, которые выкрикивали проклятья и плевали в сторону приговоренных.

– Пойдем, – сказала Миас. – Даже мертвые офицеры имеют собственные казармы в Берн-схьюме, и хотя командер морской стражи рассказал мне, где они находятся, мне страшно подумать, в каком они состоянии.

12. Все, кто служит, слышат зов

Их определили на постой на Рыбном рынке. В Бернхьюме не нашлось бы другого места, где стояла бы такая страшная вонь. Сквозь лачуги в форме ульев, окружавшие рыночную площадь, были пробиты туннели, чтобы обеспечить доступ к рыночным прилавкам, но постепенно здесь воцарилось запустение, туннели превратились в проходы, и дома оказались разделенными на две части. Однако выглядело все это крайне небрежно. Крыши регулярно обваливались, камень – всегда ценный материал – вместо того, чтобы использовать для восстановления жилищ, просто воровали, а крыши укрепляли листьями вариска и джиона, плохо обработанными, в чем Джорон убедился, когда обнаружил протечку над своей кроватью. Не очень большую, но достаточную, чтобы кровать, на которой он спал – и где ему снилось открытое море и огромные волны, – стала такой же влажной, как на борту корабля.

Но он устал, а потому ни ветер, проникавший в щели, ни непреодолимая вонь гниющей рыбы со стороны рынка, ни очевидное презрение Миас, не помешали ему мгновенно погрузиться в сон в темной комнатухе, в половинке дома на Рыбном рынке.

Впрочем, ему не пришлось долго спать.

– Твайнер, – кто-то прошептал в темноте длинной комнаты. – Джорон Твайнер. – Более резко. Неужели он снова напился? И поэтому ему так холодно и он весь дрожит? – Просыпайся, хранитель палубы. – Он наконец проснулся.

Широко раскрыл глаза, хотя вокруг не было света, чтобы их наполнить, почувствовал легкое движение воздуха, понял, что она рядом.

– Миас?

– Да, и для тебя супруга корабля, на земле или на море. Закрой глаза.

Он повиновался, услышал скрежет кремня по металлу и осторожно приоткрыл глаза, когда зажегся тусклосвет в ее руках.

– Что...

Она прикрыла ему рот свободной рукой.

– Ш-ш-ш. – Миас посмотрела на тонкую дверь. – Кто-то идет, несколько человек, и, судя по звуку, они вооружены. – Ему показалось, что по спине у него потекла ледяная вода. – Доставай свой курнов. – Она убрала руку от его рта и сняла один из маленьких арбалетов, висевших на куртке. – Возьми его, но не стреляй прежде меня.

– Они пришли за мной? – спросил Джорон.

Миас улыбнулась, и на лице у нее появилась узкая щель.

– Может быть, Твайнер, но и у меня есть множество врагов. – Улыбка стала шире. – Больше, чем у тебя, я полагаю. – И он почувствовал себя глупцом. – А теперь слушай, Твайнер. Встань рядом со мной и держи свой меч так, словно ты знаешь, как им пользоваться, ты понял? – Он кивнул, прислушиваясь к тихим шагам, кто-то поднимался по ступенькам к их жилищу. – Полагаю, ты еще успеешь надеть штаны, если поторопишься.

Он кивнул, быстро натянул влажную одежду и почувствовал знакомое успокаивающее ощущение рыбьей кожи вокруг ног, иллюзия защиты, которую давал хорошо обработанный материал.

К тому моменту, когда он оделся и встал рядом с Миас, звуки шагов по узкой лестнице стали громче.

– Эй, там, – закричала Миас, – если вы пришли нас ограбить, то прежде, чем вы войдете в дверь, знайте, что мы не спим и успели вооружиться.

Тишина.

И спустя некоторое время.

– Мы пришли не за тем, чтобы вас ограбить, – слышался женский голос, – и, ради Старухи, супруга корабля Миас, говори тише. – Миас опустила меч, и его кончик коснулся пола, словно разочарованный тем, что ему не дали порезвиться.

– Значит, она не может оставить меня в покое даже здесь, – пробормотала Миас, и Джорон понял, что услышал слова, которые она произнесла не для него; то была печаль, облаченная в дыхание. – Убери оружие, Джорон Твайнер, и следуй за мной. Если мне суждено умереть этой ночью, ты сейчас единственный, кого я могу назвать другом.

– Значит, ты берешь меня, чтобы я умер вместе с тобой? – сказал он.

У него не имелось особых оснований считать, что их связывает дружба, но сейчас не испытывал благодарности.

– В противном случае, они просто убьют тебя здесь. – Миас убрала меч в ножны и заговорила громче: – Тогда входите и отведите меня, куда собирались.

Дверь распахнулась, на пороге стояли два стража, мужчина и женщина, великолепно одетые: блестящая рыбья кожа и перья, нагрудные доспехи из сверкающего металла – только одни они стоили целое состояние – и шлемы из прочной птичьей кожи, сделанные так, что они напоминали хищных морских существ.

– Ты пойдешь с нами, Миас Джилбрин, – сказал мужчина.

Они были вооружены только висевшими на поясе кинжалами.

– Хорошо, – сказала Миас, расправляя плечи. – Идем, Твайнер. Мы позволим этим людям сопровождать нас и защитить от разбойников.

– Нам не говорили, что мы должны привести и его. – Мужчина указал на Джорона.

– А вам сказали, чтобы вы его не приводили? – поинтересовалась Миас.

– Нет, но...

– Он мой хранитель палубы, а супруга корабля никуда не ходит без хранителя палубы. – Миас шагнула к стражам. – Конечно, вы не флот, поэтому не можете знать подобные вещи. – Если стражи посчитали ее слова оскорблением, то виду не подали. – Но я не сомневаюсь, что тот, кто вас за мной отправил, прекрасно знаком с законами флота, кроме того, вам бы сказали, если бы мне не следовало брать с собой моего хранителя-палубы. – Мужчина посмотрел через плечо на стоявшую рядом женщину, и та пожала плечами.

– Ладно, – сказал он. – Пусть идет с тобой, если это необходимо.

Они последовали за двумя солдатами вниз по узким, извивавшимся каменным ступенькам лестницы, задевая плечами стены, и Джорону, привыкшему к открытому морю и ветру в волосах, казалось, будто он попал в гроб, на который так походили привязанные-к-камню дома. Корабль, даже маленькая рыбацкая лодка его отца, постоянно двигался, поскрипывал, разговаривал, *дышал*. Но не эти дома, и он обрадовался, когда они вышли на узкие, слишком жаркие улицы. Сначала его слегка покачивало, но вскоре его ноги снова привыкли к земле, которая представлялась ему слишком жесткой и неподвижной. Странное, противоестественное ощущение.

Стражи взяли копы, оставленные у двух товарищей у входа, и все четверо повели Миас и Джорона по улицам города. Несколько изгоев дарнов, торопливых и подозрительных, появились со стороны Рыбного рынка и быстро скрылись из вида. Казалось, Миас не беспокоило происходящее, во всяком случае, пока. И, хотя она сказала, что, возможно, их ждет смерть, она держалась совсем не так, будто им что-то угрожало. Поэтому Джорон, вспомнив совет отца, не стал беспокоиться из-за хорошего попутного ветра.

Однако ему показалось странным, что Миас вела себя так, словно ожидала такого развития событий.

Они вышли с Рыбного рынка, пересекли Нерроутаун по Хоппити-лейн, где одноногий мастер делал туфли и сапоги, и дальше пошли по Серпент-роуд, которая вела их через весь Бернсхьюм к спиральным жилищам. И только после того, как они свернули с Серпент-роуд

и направились в сторону Рыбного дока, Миас изменилась. Ее легкая походка хищника стала напряженной, больше похожей на резкие движения птицы, голова поворачивалась, как у кивелли, ищущего опасность, да и двигалась она теперь почти как он.

– Держи руку рядом с курновом, – произнесла она одними губами.

– Что? – спросил Джорон.

Она бросила на него раздраженный взгляд, когда он даже не попытался приглушить голос, но стражи не обращали на них внимания.

– Я думала, их прислала моя мать, – прошептала она. – Иногда она требует моего присутствия, хотя я думала, что она со мной покончила после того, как вынесла приговор.

– Но? – теперь Джорон заговорил шепотом.

– Но мы идем не в сторону спиральных жилищ, и я не знаю, куда нас ведут, – ответила Миас.

– Лучше бы ты мне ничего не говорила, – прошептал Джорон.

– Если бы желания были рыбами, голодающие стали бы толстяками, – заявила Миас.

Они все дальше углублялись в Рыбный док. Дома здесь появились позднее, были выше и массивнее, чем в других частях Бернсхьюма, первые два этажа строили из камня, дальше использовали обработанный джион и вариск. Многие из них поднимались до пятого или даже шестого этажа, и в них жило огромное количество людей: одинокие мужчины с детьми слабой крови, искалеченными и уродливыми, слишком слабыми из-за гнили кейшана, чтобы работать на верфи и в доках.

Здесь же находилось устройство, дававшее силу всем Ста островам и обеспечивавшее их людьми, достаточно сильными, чтобы быть моряками и солдатами, слугами и ремесленниками, каждый из которых старался поскорее выбраться из нищеты и ужасных домов. Тут всегда было больше женщин, чем мужчин, потому что мальчиков чаще отдавали морю. Для большинства единственной надеждой являлись девочки, способные рожать. Если девочка оказывалась достаточно сильной, чтобы пережить роды и произвести на свет безупречного ребенка, она могла стать одной из дарнов. Кое-кто утверждал, что Миас Джилбрин выросла в одном из этих домов, но Джорон им не верил. В них обитали изгои дарнов, и в детстве жил сам Джорон, но выбраться отсюда и занять более высокое положение удавалось немногим.

Стражники остановились под пылающим факелом возле большого дома.

– Поднимайтесь вверх, – сказал один из них.

Джорон посмотрел на мужчину, пытаясь по выражению его лица понять, удастся ли ему выйти из этой двери, но увидел лишь застывшую маску. Миас даже не взглянула в его сторону и стала подниматься по узкой лестнице, а Джорон вновь испытал клаустрофобию. У него ушло несколько мгновений, чтобы понять, что никогда прежде ему не доводилось бывать в подобных домах. Здесь отсутствовал запах сырости и постоянный шум множества людей, живущих в больших зданиях, иногда по шесть или семь человек в одной комнате. А когда они поднялись выше каменных этажей на уровень джиона и вариска, Джорон обратил внимание на высокое качество работы строителей, какое едва ли встретишь в Рыбных доках. Вариск блестел так, словно его тщательно отполировали, стебли джиона украшала искусная резьба с морскими сценами.

– Это не обычный дом, – заметил Джорон.

– Верно, – кивнула Миас. – Так и есть.

Ее голос показался Джорону усталым. На верхней лестничной площадке он увидел дверь, украшенную изящной резьбой: Хассит убивает Птицу Бурь Скирит броском копья, мужчина, что принес горе в их мир. Джорон ожидал, что Миас постучит, но она резко повернула ручку двери и вошла. Комната была обшита накрахмаленными листьями джиона, которые оставили зреть, пока они не стали темно-коричневыми с алыми прожилками. Кроме того, их украшали сцены покорения Архипелага. Вот тут спали Кьюливерд и Мьюливерд, пока море не разбило

их на кусочки, превратив в острова. Там Скирит песней призвала шторма, чтобы защитить свои яйца. На другой стене ее дух преподносил ветрогонов Матери после того, как Старуху и Деву изгнали в море и воздух. Обычно Джорона завораживали подобные красивые сцены, но сейчас он застыл на месте. Его поразило то, что он увидел.

Письменный стол и четыре стула. Мужчина.

У Джорона возникло ощущение, что его обманули, как никого другого. В особенности если учесть, что неприятный фокус провернула та, кому он начал доверять. И когда это чувство им овладело, у Джорона появилась тяжесть в животе и перехватило в горле – ему удалось с огромным трудом обуздать свой гнев, и, чтобы себя не выдать, он стиснул кулаки – ведь где-то глубоко внутри он поверил Миас. Хотя она ему и не нравилась, *такого* не было ни разу. Но в какой-то момент он стал думать, что ее суровые манеры чего-то стоят, что она будет жесткой, но честной.

Больше нет.

О, нет, больше нет.

За письменным столом сидел избранник Индил Каррад, один из самых могущественных мужчин Ста островов. Красивый, как и все избранники, лицо вдоль линии щек разукрашено серебром и бронзой, гладко выбрит, за исключением бороды, заплетенной в толстую косу с разноцветным камышом. Торс покрывали лишь ремни, чтобы выгодно подчеркнуть натертые маслом грудь и руки, бугрившиеся мышцами. И, хотя письменный стол скрывал нижнюю часть тела, Джорон знал, что Индил носит украшенные вышивкой обтягивающие штаны, выставляя напоказ мышцы ног и пах, сообщая всему миру свою исключительную фертильность. А еще высокие сапоги. Джорон их помнил. Он не забыл, как его, приговоренного, вывели из судадарнов с опущенной головой, с позором, которого ему не следовало испытывать, однако Джорон тогда заметил, что Индил Каррад так роскошно одевается не только для того, чтобы подчеркнуть свое высокое положение, но также из тщеславия, потому что сапоги были на каблуках, добавлявших ему роста.

«Власть и тщеславие – это плохое сочетание, парень», – прозвучал в его сознании голос отца.

Джорон не мог вынести его здесь – только не здесь – в присутствии этого человека, впрочем, именно тут, рядом с избранником Индилом Каррадом, и должен был звучать голос отца.

Однажды юноша по имени Рион, супруг корабля, предложил Джорону пять железных монет в качестве компенсации за то, что тело его отца было раздавлено корпусом костяного корабля, которым он командовал.

«Это хорошая цена, мальчик, – больше, чем стоит любой рыбак», – так сказал Рион.

Джорон стоял, потеряв дар речи, переполненный яростью из-за того, что этот человек – лишь немногим старше самого Джорона – смог отнять у него все, чем являлся его отец, сломать только из-за того, что был слишком пьян и горд, чтобы выполнить правила порта и уступить им дорогу. А потом, когда вода еще была темной от крови, оценить его жизнь в несколько монет. Джорон не мог этого перенести и вызвал Риона на дуэль. Он не сомневался, что умрет, но в тот момент больше не хотел жить и не видел лучшего способа присоединиться к отцу в огне Старухи, чем погибнуть, пытаясь за него отомстить.

Но Рион из-за самоуверенности или глупости лишил Джорона шанса снова встретиться с отцом. Он провел весь день перед дуэлью, пьянствуя с друзьями, и, когда настал момент схватки, Джорон первым же удачным выпадом его убил.

Все могло на этом закончиться. Справедливость на Ста островах всегда была быстрой и жестокой – «Жизнь за жизнь – честная цена». Но отец Риона, мужчина, перед которым Джорон сейчас стоял, обладал огромной властью. Поэтому Джорона называли убийцей, обвинили в том, что он напоил парня, и вызвали на суд дарнов. Впрочем, в тот момент ему было все равно – его не волновал приговор, он мечтал уйти в море со вскрытыми венами и ждать, когда его заберет

Старуха. Но Индил Каррад, должно быть, понял, что Джорон жаждал смерти. Джорон помнил момент, когда Индил догадался, что человек, который убил его сына, не боится смерти – на его лице появилась жестокая улыбка, и он потребовал, чтобы дарны отправили Джорона на черный корабль, в то место, где он не будет ни мертвым, ни живым и окажется в чистилище, в западне горя.

– Каррад, – сказала Миас.

Она практически выплюнула это имя.

– Миас, – лишь немногим доброжелательнее проговорил он. – Ты привела ко мне убийцу моего сына? – У него был голос, очень подходивший для ночной комнаты, теплый и успокаивающий, несмотря на присутствие в нем яда. Джорон вспомнил его – сладкий и густой, как сироп джиона, – в суде дарнов, где Индил Каррад уговорил судей отправить его на корабль мертвых. – Прогони эти обломки кораблекрушения прочь, Миас. – Каррад кивком показал на Джорона. – А потом мне нужно будет с тобой поговорить.

– Он мой хранитель палубы, Каррад, и я привела его с собой, чтобы другой офицер флота стал свидетелем твоих слов, Каррад.

– Хранитель палубы, – тихо, словно только для себя, повторил Каррад, постукивая пером по столу. – А ты сумел подняться, Джорон Твайнер. – Его взгляд метнулся к Джорону, но тут же вернулся к письменному столу. – Ты шутка, которая неожиданно ко мне вернулась? – Он покачал головой и негромко рассмеялся. – Тем не менее через несколько дней под командой Миас ты поймешь, что это тебе не по плечу, и Старуха тебя заберет. Я буду с нетерпением ждать рассказа о том, как обломки кораблекрушения превратятся в выброшенный за борт мусор.

Джорон собрался ответить, но Миас шагнула вперед, в буквальном смысле встав между ним и Каррадом.

– Я думала, что избавилась от тебя, когда меня отправили на черный корабль, – сказала она. – Я думала, мы в расчете. Зачем я понадобилась тебе теперь?

– Ты совершила глупый поступок, – сказал Каррад, и Джорон затаил дыхание. *Что она натворила?* Он ждал, что Каррад расскажет, но его поджидало разочарование. – Однако ты ошибаешься, если думаешь, что глупость освобождает тебя от обязательств, Миас. Кстати, черный корабль позволяет тебе управлять им так, как ты пожелаешь, что невозможно с кораблями флота.

– В каком смысле?

– Ты вне системы командования и дрейфуешь в поисках неприятностей. Ты имеешь возможность, даже должна, получать приказы не через обычные каналы, и, хотя я супруг флота, тот факт, что я никогда не служил на кораблях, не дает мне доступа, который я хотел бы иметь, к нашим кораблям. Но черный корабль? *Ты моя!* – *Неужели он посмотрел на нее с вожделением?* – И ты можешь отправиться в такие места, куда я ни за что не пошлю корабль флота.

– Значит, ты намерен использовать меня в качестве посыльной? – Миас покачала головой. – Я полагаю, наш разговор продолжался достаточно долго, Каррад. Я предпочитаю рискнуть и получать приказы от флота.

– Решать тебе, – сказал Каррад, – но, подумай, насколько хорошо у тебя получалось до сих пор, Миас? – Прежде чем она успела ответить, Каррад встал. – И как ты сумеешь починить свой старый корабль? Флот прикажет тебе гнить в Бернсхьюме, пока они будут его ломать. Быть может, тебе повезет, какой-нибудь двухреберный корабль не сможет нести на своих костях зоресвет, и его сделают черным. – Наступила тишина, которую нарушало лишь жужжание ночных насекомых. – К тому же, – продолжал Каррад уже спокойнее, – мне от тебя нужно совсем другое. Доставлять письма шпионам ниже твоего достоинства, и мне это хорошо известно. – Появились ли в его голосе теплые нотки? Тембр определенно изменился. – К тому же, едва ли можно рассчитывать, что черный корабль не будет привлекать к себе внимание, верно? Конечно нет. У меня есть для тебя предложение, которое достойно твоих талантов. Я тебя

знаю, Миас. – Он обошел вокруг стола, чтобы оказаться рядом с ней, и Джорон почувствовал себя посторонним, который сует нос в чужие дела и присутствует при чрезвычайно интимном моменте. – Я знаю, чего ты хочешь, – прошептал Каррад. – Знаю, от чего получаешь наслаждение.

Казалось, Миас вдруг резко переменялась. Нет, ее реакция не была очевидной, просто в течение минуты она несколько раз поменяла позу, словно ее самоуверенность и хладнокровие исчезли, и она оказалась в полной растерянности, совершенно не в своей тарелке.

– Меня от этого тошнит, Индил.

– Неужели ты забыла сон, Миас?

– Это имеет значение только для тебя, – сказала она.

– Но может означать намного больше, – не унимался Каррад.

– Я не уверена, что могу поверить хотя бы одному твоему слову, – сказала Миас.

– Ты верила в мечту в заливе Харрит, Миас.

– И что получила? – Она протянула к нему руки. Джорон внутренне перепрыгивал с одной ноги на другую. *О чем они говорят?* – Где ты был, Индил? Где ты был, когда меня опозорили и раздели? Ты не пришел. Одно твое слово могло меня спасти.

– Я не мог тебя спасти. Все, что я... – Каррад сделал глубокий вдох, взял небольшое украшение с письменного стола и положил его обратно. – Все, ради чего мы работали, было бы потеряно. Они бы приговорили нас обоих.

Миас подняла руки, ее пальцы почти коснулись его щеки, и Джорону вдруг стало труднее дышать, или он превратился в призрак для этих двоих людей. Он просто перестал существовать.

– Индил, – сказала Миас, – когда я тебя слушаю, – ее голос прозвучал совсем тихо, – я понимаю, что ты делаешь. – Каррад улыбнулся, а потом в его глазах что-то изменилось – в них появилось тепло. – Мне даже показалось, что ты поверил в собственные слова. – Она покачала головой, и ее окутал тихий шорох волос, скользнувших по коже. – Но слова лишены смысла, когда за ними ничего не следует.

– Ты действовала слишком открыто. – Каррад попытался сжать ее запястье, но она оказалась слишком для него быстрой и отступила на шаг, увеличив расстояние между ними. – С господством дарнов нельзя бороться лоб в лоб, Миас. Это неверный путь.

Джорон совсем не хотел знать, о чем они говорят. Он мечтал оказаться в другом месте, и чтобы Миас его сюда не приводила, и чувствовал, как все его тело сковал ледяной холод.

Измена.

Они говорят об измене. Миас Джилбрин, величайшая из всех известных ему супруг корабля, изменница. Джорон уже хотел что-то сказать, попросить разрешения уйти, когда она к нему повернулась.

– Это совсем не то, о чем ты подумал, Твайнер, – сказала она. – Речь идет о политике Ста островов, так что даже не мечтай о том, чтобы побежать к Великому Жилищу и рассказывать там сказки, которые помогут тебе вернуть прежнюю жизнь. Ты не знаешь, с кем нужно говорить, и можешь получить удар ножом с той же вероятностью, что и награду. Не забывай, кто тобой владеет, и, если ты считаешь, что у тебя есть честь, вспомни о ней, прежде чем соберешься что-то предпринять.

– Честь. – Каррад рассмеялся. – Я прежде поверю, что кивелли сразится с санкреем, чем в то, что можно отыскать честь в таком, как он.

И вновь наступила тишина, жаркая и удушающая, заполненная жужжанием насекомых.

– У него она есть – для меня, – сказала Миас. – Во всяком случае, сейчас.

– Я слышал, что он направил твой корабль на риф, – сказал Каррад.

– Это сделала я, – заявила Миас, и Джорона поразило, что она даже не колебалась, не пыталась ничего скрыть или обвинить его, как она сделала на «Дитя приливов». – Я была супругой корабля и отвечала за него.

– Я слышал, что все было совсем не так, – возразил Каррад.

– Нет, именно так. – Она пожала плечами. – Наверное, мне не следует удивляться тому, что у тебя есть шпионы на моем корабле.

– У меня шпионы повсюду, – сказал Каррад. – Он станет твоей смертью, Миас, – продолжал он, кивнув в сторону Джорона, потом вернулся на свое место за письменным столом. – Но ты сама выбираешь команду. Итак, ты хочешь выслушать то, что я собирался сказать, или нет?

– Говори, – ответила Миас. – Я выслушаю тебя, как и Твайнер. Мы сядем и не будем больше стоять, как будто храним тебе верность или считаем, что встреча с тобой для нас большая честь.

Каррад пожал плечами.

– Конечно, дайте отдохнуть ногам, – заявил он. – У Твайнера отвратительно грязные ноги, и ты окажешь мне услугу, если уберешь их с моего пола.

Джорон отчаянно напрягся, но постарался сохранять внешнее спокойствие. В тот момент, когда Миас взяла на себя вину за налетевший на риф «Дитя приливов», Джорон почувствовал, как отлив его верности к ней превращается в прилив. Он не понимал причины; может быть, дело было в том, что она являлась единственной безопасной гаванью в этой комнате, и не более того. Однако реальность не становилась от этого менее убедительной.

Джорон уселся напротив человека, который отправил его на корабль приговоренных, и услышал о чуде, которое сделает его частью легенды.

Тиртендарн воззвала,
Отдайте дитя кораблям!
И море пришло ей на помощь,
Как только слово покинуло жестокие губы.

Амон, «Песнь Удачливой Миас»

13. Здесь водятся драконы

– Появился аракисиан, – сказал Каррад.

Казалось, весь воздух мгновенно улетучился из маленькой душной комнаты. О, да, тусклосвет все еще горел, и они могли дышать, но на мгновение у Джорона закружилась голова. *Аракисиан? Морской дракон?* Их кости служили строительным материалом для флота, но уже три поколения не видело кейшанов.

– Ты шутишь? – спросила Миас.

Тем не менее Джорон не сомневался, что она почувствовала такое же возбуждение, удивление и благоговение от одной только мысли о такой возможности.

– Нет, – ответил Каррад. – Я бы очень хотел, чтобы это была шутка.

– А почему я ничего о нем не слышала? – спросила Миас.

– На то имеется несколько причин, Миас, – начал он. – Главным образом, из-за того, что ты теперь командуешь черным кораблем, и никто не хочет с тобой говорить. – Их взгляды встретились, и Каррад первым отвел глаза в сторону. – Но есть и другие причины. Моя сеть шпионов по-прежнему лучшая, и я получаю новости первым. В данный момент люди, которым известно о появлении зверя, находятся в этой комнате.

– И насколько ты в этом уверен? – спросила Миас.

– Насколько это вообще возможно, – твердо ответил Каррад.

– А что стало с твоим шпионом? – спросила Миас.

– С ней произошел несчастный случай.

– Не лучшая награда, – заметила Миас.

– Некоторые тайны слишком ценны, чтобы рисковать ими из-за одной жизни, Миас. Моя шпионка в полном комфорте отдыхает у огня Старухи, а ее дети не настолько изгнанники дарнов: речь не идет об отсутствующих конечностях или чем-то подобном – всего лишь несколько отметин на коже. Их пригласят учиться в школу в спиральных жилищах. Она бы посчитала такую сделку удачной.

– А у нее ты спрашивал? – поинтересовалась Миас. – Военная школа не лучшая мать, мне это очень хорошо известно.

– Ты всегда говорила много лишнего, Миас. – Джорон увидел истинного Каррада – порочного, отталкивающего и жестокого, – но все мгновенно исчезло, как дым в шторм. – Мы первыми узнали про аракисиана, а потому можем первыми до него добраться. Прежде Суровых или Ста островов.

– Что? – Джорон не смог сдержаться.

– Тихо, Джорон, – сказала Миас, но он не смог бы вымолвить больше ни слова, даже если бы хотел.

Джорон окончательно запутался, он тонул. *Кто эти люди?* Его отношение к Миас постоянно менялось. Сначала он встретил верную и уважаемую супругу корабля, потом она превратилась в политического заговорщика, а теперь, несмотря на все, что ему сказали, выглядела настоящей предательницей. Но, если она не хранит верность Ста островам, за кого сражается?

И почему?

И что еще за этим стоит?

– Насколько ты уверен в этом кейшане, Индил? Ты же знаешь, как много болтают дети палубы, – сказала Миас.

– Совершенно уверен. – Он открыл ящик в своем сундучке, достал оттуда свернутую карту и разложил на письменном столе. – В прежние времена первого аракисиана в сезоне называли «проснувшийся змей», поэтому я дал ему такое же имя.

– Ты считаешь, что будут другие? – спросил Джорон.

Каррад взглянул на него и на мгновение застыл, прежде чем ответить.

– Надеюсь, нет, – наконец, сказал он.

Все это не имело ни малейшего смысла. Появление аракисиана означало, что люди смогут построить новые корабли, в которых флот отчаянно нуждался.

– Его заметили вот здесь, – сказал Каррад, указывая на карту, – рядом с островом Сорис, на далеком юге, где слишком холодно, чтобы там жить.

– Поэтому никто о нем не знает? – уточнила Миас.

– Да, – кивнул Каррад. – И он маленький для аракисиана, так мне сказали, но все равно намного больше, чем любые другие морские существа.

– И почему тебе потребовались именно мы? – спросила Миас.

– В Великом Жилище хранились старые карты, о которых все давно забыли. Я забрал многие из них и спрятал, но у меня нет уверенности, что там не осталось еще. – Теперь Каррад выглядел встревоженным. – Аракисианы всегда выбирают одни и те же маршруты, именно по этой причине на них так легко охотиться, хотя всем известно, что очень трудно убить.

– Да, да, именно по этой причине и созданы черные корабли, – сказала Миас. – Это не новость.

– Совершенно верно, – подтвердил Каррад. – Впрочем, в старых отчетах говорится, что, по большей части, аракисианов удавалось убить с башен, стоявших на берегах узких проливов. Черные корабли, главным образом, предназначались для наказания преступников. – По его губам скользнула быстрая неприятная улыбка. – А теперь посмотрите на красную линию на карте. Это курс, которым следовали кейшаны, в основном мимо пустынных островов – так что существовало совсем немного мест, где его могли заметить. Они всегда выбирали глубокие каналы.

– Итак, – сказал Джорон, – ты хочешь, чтобы мы занялись тем, для чего изначально предназначались черные корабли, и начали охоту на аракисиана?

Каррад посмотрел на него так, словно Джорон сказал глупость.

– Конечно нет, – ответил он. – Я хочу, чтобы вы не дали ему умереть.

– Оставить аракисиана в живых? – удивился Джорон. – Но нам нужны его кости. – Он посмотрел на Каррада. – Для кораблей. – Складывалось впечатление, что Индил Каррад не понимал главных нужд Ста островов. – А корабли нам необходимы, чтобы сражаться с Суровыми островами. Всем известно, что они собирают силы на юге и очень скоро на нас нападут.

– Ты не говорила ему о том, чем мы занимаемся, Миас? – спросил Каррад, и на его красивом лице появилась усмешка.

– Я не знала, что ты расскажешь о нас и наших целях, или сколько я должна ему сообщить, – ответила Миас. – И до какой степени мы можем ему доверять. – Ее слова отозвались в сердце Джорона острой болью, хотя он и сам сейчас не знал, могут ли они ему верить. – Но складывается впечатление, что ты готов открыть ему все, так что давай не будем терять времени.

– Хорошо, – кивнул ей Каррад. – Как долго мы воюем с Суровыми островами, Твайнер?

– Целую вечность, – ответил Джорон.

– И почему? – спросил Каррад.

– Почему? – Джорон не знал ответа. Сто островов всегда сражались с жителями Суровых островов. Наконец он сказал: – Они крадут наших детей.

– Зачем?

– Чтобы принести их в жертву своим кораблям.

– Зачем? – снова спросил Каррад.

– Чтобы зажечь зоресвет и призвать удачу в сражениях с нами, – сказал Джорон.

– А мы, в свою очередь, воруют их детей для тех же целей, и, когда ни одной из сторон не удастся украсть чужих детей, мы приносим в жертву своих. И зачем все это? – спросил Каррад.

– Я... – Джорон понял, что запутался. Каррад говорил так, словно все, что он знал, с чем рос, было каким-то непостижимым образом неправильно. – Так мы всегда поступали.

– Мы крадем детей, чтобы продолжать сражаться и воровать новых детей, – продолжал Каррад. – Мы нападаем на них, а они на нас, чтобы отомстить. И так происходит снова, снова и снова. Но что, если нет никакой необходимости забирать детей? Подумай, Джорон Твайнер. Что, если убивать друг друга не единственно возможный путь?

– Но что мы сможем сделать, если у нас не будет флота? – спросил Джорон.

– Мы не знаем, – тихо проговорила Миас. – Но, возможно, станет лучше, если мы попытаемся это выяснить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.